

Юлия Риа

ИЗ СТАЛИ
И ПЛАМЕНИ

— Магия, меняющая мир —

Юлия Риа
Из стали и пламени
Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66285284

Из стали и пламени: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-121332-9

Аннотация

Люди и драконы уничтожают друг друга поколениями. И я была уверена, что, когда придет час, убью чудовище без колебаний. Однако все пошло не по плану. Отныне мы с драконом связаны. Я жива, лишь пока он рядом. Он не может отпустить меня, не исполнив клятвы. Боги затеяли хитрую игру, связав двух кровных врагов прочными узами. И будто бы этого мало, заставили нас испытывать то, что врагам не положено чувствовать друг к другу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	88
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Юлия Риа

Из стали и пламени

© Ю. Риа, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Запах дыма защекотал нос. Я поморщилась, несколько раз моргнула, возвращая зрению четкость, увидела серый потолок над головой – и рывком села.

Что?.. Где я?

Судя по каменным стенам и низкому своду, в пещере.

В стороне, ближе к выходу, горит костер. Над ним котелок, черный от сажи. Подо мной шкуры северных волков; чуть позади меховая куртка, скрученная валиком. Кажется, ее использовали как подушку. Причем для меня. Грудь стянута повязками, левая нога зафиксирована двумя палками и туго перемотана. Осторожно, стараясь избежать ненужной боли, я ощупала ее и уверилась – кости вправлены.

Боги, что произошло? Откуда эти раны? Я ведь уходила из Ордена невредимой! А потом... потом...

В памяти замелькали обрывки недавних событий.

Горы. Снегопад, поваливший на декаду раньше срока. Злой ветер, царапающий лицо. И я, поднимающаяся все выше. Тяжелый дайгенор – оружие и гордость любого охотника – привычно оттягивал руку. Выбившиеся из косы волосы лежат в лицо. Наверное, из-за них я не сразу увидела дракона. А может, причиной всему метель. Не знаю. Наверняка скажу лишь одно: когда я наконец разглядела алый силуэт, нападать из засады было уже поздно – дракон тоже меня заметил.

Все, что случилось после, превратилось в набор смазанных образов. Я помню массивный спинной гребень и отливающие золотом когти. Помню, как пыталась, но никак не могла ранить проклятое чудовище, как нацелилась на брюхо, не защищенное роговой чешуей. И как отлетела назад, сбита с ног мощным хвостом. Последнее, что отпечаталось в памяти, – нестерпимая боль в ноге и мой крик.

А теперь я здесь, в пещере. Заботливо уложенная на шкуры и со вправленными костями. Но кто помог мне? Неужели...

Губы дрогнули в улыбке.

Да! Я знала, что братья из Ордена не бросят меня! Наверняка они и убили чудовище! Ух, правда, придется объясняться перед отцами, почему я не сделала этого сама. Но, уверена, они поймут – никто из послушников не одолел бы алого дракона.

Шорох шагов заставил отвлечься от мыслей и повернуться ко входу. Пришел мужчина. Высокий, широкоплечий, с густыми каштановыми волосами, заплетенными в тугую косу. Из одежды лишь штаны грубого пошива, заправленные в сапоги, да жилетка на тонкой шнуровке.

Хм, не похоже на облачение охотника. Вольный наемник? – Спасибо, что спас меня от чудовища, – поблагодарила я искренне, когда он приблизился. Вспомнила рассказы о наемниках и добавила: – Для меня будет честью вернуть долг жизни.

– От чудовища?

Тонкие губы искривились в холодной усмешке. Он опустил на корточки, ухватил меня за подбородок жесткими пальцами, потянул на себя.

Сердце дрогнуло.

Иначе! Охотники и наемники двигаются иначе! В их движениях нет этой неуловимой тягучести, когда даже молниеносное движение выглядит плавным.

– Посмотри мне в глаза, – приказал он. – Что ты видишь?

Все мое естество отказывалось подчиняться. Взгляд против воли скользнул вниз, к расстегнутой жилетке, и замер на глубоких порезах, пересекающих грудь. Еще свежих. Слишком знакомых, чтобы ошибиться. Такие рваные края может оставить лишь одно оружие. Дайгенор.

От внезапной догадки спина покрылась холодным потом.

– Посмотри на меня! – рявкнул незнакомец, и на этот раз я подчинилась.

Медленно подняла взгляд, отмечая волевой подбородок, хищные черты лица, прямой нос и... темно-зеленые глаза с вертикальными зрачками. Я дернулась, попыталась высвободиться из цепких пальцев. Однако стоило шевельнуться, как незнакомец с силой сжал мое левое бедро. По ноге молнией прострелила боль. Еще терпимая. Но стоит ему сместить ладонь на несколько сантиметров вниз, и боль станет невыносимой.

– Ты дракон? – несмотря на страх, дрожи в моем голосе

не прозвучало.

– А что, много вариантов? Ну же, охотница, не разочаровывай меня. Ты ведь уже все поняла. Так почему спрашиваешь?

Я упрямо поджала губы.

– Что, думаешь, убью тебя? – Зеленые глаза насмешливо блеснули. – Поверь, хотел бы – давно бы уже это сделал.

– Тогда почему?

– Почему ты до сих пор жива?

Я кивнула.

– В отличие от вас, мы не убиваем невинных. – Поймав мой непонимающий взгляд, дракон пояснил: – Ты еще не окропила себя нашей кровью, – кивком головы он указал на мое плечо, виднеющееся через прореху на рубашке. – Охотникам ставят клеймо за каждого убитого дракона, верно?

Я снова кивнула. Он недобро прищурился.

– Что, не задалась первая охота?

Отпустив мою ногу, дракон поднялся и подошел к котелку. Зачерпнул из него что-то жестяной кружкой и, вернувшись, протянул мне.

– Пей, – приказал он коротко. – Иначе волю силой.

Я не пошевелилась, лишь прожгла чудовище полным ненависти взглядом.

– Ты сама напросилась...

Снова присев рядом, он намотал мою косу на кулак, с силой дернул назад. Вскрикнув, я запрокинула голову – и едва

не захлебнулась льющейся в рот жидкостью. Задержалась, попыталась высвободиться, но без толку. Дракон держал крепко.

– Пустое упрямство будет тебе дорого стоить, – холодно произнес он, отпуская мои волосы. – А теперь спи. Твоему телу нужны силы.

– Почему ты...

Договорить я не успела. Веки сомкнулись, я начала заваливаться набок, но прежде, чем отключиться, ощутила сильные мужские руки, удержавшие меня от падения.

* * *

Первое, что я ощутила, придя в себя, была слабость. Тело будто окаменело, руки казались неподъемными, даже веки и те поддались с трудом – приподнялись лишь наполовину. Я украдкой огляделась.

Дракон сидел ко мне вполоборота, обнаженный по пояс, – ноги скрещены, спина прямая. Света костра не хватало, чтобы разглядеть все; но то, что могла, я изучала со всей тщательностью. Отливающую золотом кожу, старые рубцы на спине, видимые жгуты вен, напряженные мышцы. Мощный, зараза. Одолеть такого будет не просто даже лучшим из охотников. А уж мне, раненой, – и вовсе невозможно. Проклятье!

От котелка, уже снятого с огня, поднимался густой пар. Чувствовался горьковатый запах незнакомых трав. Дракон

тихо рыкнул, будто недовольный тем, что собирается сделать, запустил длинную деревянную ложку в котелок, выудил комок чего-то вязкого, темно-зеленого. Несильно отжал и приложил к рваной ране на груди. Новый рык – протяжнее и ниже первого – отозвался во мне мелкой дрожью. Только совсем не от страха.

Очень давно, еще в первый год служения Ордену, я сорвалась со скалы. Не слишком высокой, но все же достаточно опасной, чтобы при падении рассечь плоть до ребер. До сих пор с содроганием вспоминаю обеззараживающие примочки, тугие перевязки и мази. Казалось, каждое лекарское средство служило лишь одной цели – заставить меня заново прочувствовать глубину того разочарования, что охватило праведных отцов. А разочарованы они были безмерно. Еще бы! Я ведь обещала забраться на самый верх, а в итоге сорвалась, не достигнув даже середины.

Пальцы невольно дернулись и сжались в кулаки.

В тот день я пообещала, что больше никогда не подведу Орден. Стану достойной. И шесть кривых шрамов пониже груди стали молчаливым напоминанием о моей клятве.

Я снова посмотрела на спину дракона – широкую, мощную, со следами прошлого. Интересно, давал ли он похожие клятвы? Или, как дикий зверь, лишь следует инстинктам?

– У тебя тяжелый взгляд, охотница, – бросил он, не поворачивая головы. – С таким ты никогда не нападешь из тени.

В первую секунду я растерялась. Мне казалось, дракон не

заметил моего интереса. Но уже в следующую взяла себя в руки: широко открыла глаза и посмотрела не прячась.

– Чего ты хочешь от меня?

Вопрос заставил его хмыкнуть, отложить ложку и повернуться.

– Чтобы ты выжила.

– Зачем?

– Чтобы вернулась к своим и рассказала о нас: что мы не звери, как вы привыкли считать. Что если на нас не нападать, мы не станем убивать в ответ. Что нам не чуждо милосердие.

– Пытаешься меня задурить? Думаешь, я поверю твоим словам, чудовище?

– Не словам – действиям.

Поднявшись, он достал из котелка еще один комок непонятной зелени и, роняя на пол пахучие капли, зашагал ко мне. Я дернулась. Попыталась сесть, но слабые руки не дали опереться на них и отползти.

– Чудовища не помогают людям, – процедила сквозь зубы.

– Верно. И я докажу тебе, что драконы – не те, кем вы привыкли нас считать.

Вместе с последним словом он прижал к моей ноге горячий влажный ком. Кожу обожгло. Причем так сильно, что сдержать крик не вышло. Инстинктивно я ухватилась за дракона непослушными пальцами, подалась вперед. А он, что удивительно, не оттолкнул. Напротив, обхватил меня поперек спины, притянул ближе, давая опору, и помог пережить

момент слабости.

– Теперь выдыхай, охотница.

Он опустил меня обратно на шкуры и отошел. Я проследовала взглядом за его рукой, дернувшейся к ранам на груди.

Дайгенор – опасное оружие. Опаснее меча или лука. Оно не просто травмирует тело – оно отравляет его. Лезвие дайгенора обрабатывают заговоренным настоем шесть полных лун подряд. И старинный рецепт знают только праведные отцы.

Однажды – больше по глупости – я сцепилась с Айкиром, братом по Ордену. До сих не знаю, совпало так или Айкир все подстроил, но рукоять моего дайгенора надломилась. Я едва успела отвести его в сторону – лезвие лишь краем скользнуло по голени. Не сделай я этого, лишилась бы ноги, а так отделалась всего тремя неделями в лекарском крыле. Тогда же я узнала, каково это – когда закипает кровь в оставленной дайгенором ране. И сейчас, разглядывая рваные края порезов на груди дракона, будто заново переживала дни после схватки с Айкиром.

– Корни хладовой травы, – произнесла я быстро, опасаясь, что, если замешкаюсь хоть на секунду, то передумаю. – Завари их с корой калины, остуди и...

– О, надо же, охотница делится со мной рецептами снадобий, – дракон насмешливо скривился. – Не стоит. Ваши средства бессильны против нашей крови.

Не сводя с меня взгляда, он коснулся открытых ран, намо-

чил пальцы в собственной крови и встряхнул рукой, роняя тяжелые капли на пол. Камни, на которые они упали, зашипели. В воздухе запахло серой.

– А это? – я кивком указала на зеленые разводы на смуглой коже.

– А это наши снадобья, охотница. И их рецептами я делиться не стану. Спи.

Будто следуя этому приказу, веки налились тяжестью. Пришлось мотнуть головой, чтобы прогнать сонливость. Затем я снова посмотрела дракону в глаза.

– Чего ты хочешь на самом деле?

– Я уже сказал. К утру метель успокоится, и ты отправишься к своим. До тех пор нам придется терпеть общество друг друга. Но не бойся – я не наврежу тебе. Ты покинешь эти горы в целости, клянусь Первопредком.

– Я не знаю, кто это, – нахмурилась растерянно.

– Нестрашно. Достаточно того, что знаю я.

* * *

Несмотря на уверенность дракона, метель не утихла ни к утру, ни к следующей ночи. Наоборот, лишь набирала силу. Как и жар, лижущий мое тело. Поначалу я не обратила на него внимания: списывала то на слабость, то на близость ко-стра. Но к вечеру стало понятно: это лихорадка.

Дракон покидал пещеру дважды. В первый раз он ушел

утром, чтобы через несколько часов вернуться с тушей горного алькарда. Увидев добычу, я не сумела скрыть удивления. Да и как иначе? Трудно сохранить невозмутимость, когда в нескольких шагах от тебя бросают на пол огромное серо-голубое тело с тонкими полосками на шкуре. Мощные витые рога загибались назад, словно крендели, раздвоенные копыта отливали серебром. Именно из-за них алькардов еще называют серебряными арисами.

Шкуру с алькарда дракон содрал всего в несколько движений, чем вновь удивил меня. При этом – готова поклясться – он едва сдерживал самодовольную улыбку! Но ни один из нас не проронил ни слова. О чем думал дракон, не знаю. Я же не могла заставить себя смотреть на что-то, кроме него. Взгляд словно приклеился к сильному мужскому телу. Раз за разом возвращался к ранам от дайгенора, виднеющимся сквозь распахнутую жилетку; скользил вдоль рук со жгутами вен, очерчивал контур лица.

Как же так вышло, что никто в Ордене не знает о способности драконов менять облик? И почему никто из чудовищ не попытался выйти на общение раньше? Или...

Пугающая мысль вонзилась в меня иглой.

Или дракон со мной играет?

Кот Мадека – одного из старейших отцов Ордена – тоже всегда забавляется с мышами, прежде чем задушить их. Я сама видела с полдюжины раз. Правда, вмешаться посмела лишь единожды, и за это провела ночь в яме с крысами. Тре-

мя. Их хватило, чтобы не давать мне сомкнуть глаз: приходилось отбиваться от наглых созданий до самого рассвета. Урок я усвоила и больше никогда не мешала любимцу Мадека играть с добычей.

Сейчас же я вдруг почувствовала себя той самой мышью, угодившей в лапы к коту. Что будет, когда он наиграется?

Беспокойство крепло от часа к часу. Вместе с ним креп жар. Мысли становились ленивыми и неповоротливыми, как старая кухарка Найра, хорошо готовящая лишь тушеную картошку. Удивительно, но, несмотря на то что последний раз я ела еще в Ордене, голода не было. Даже воспоминания о стряпне Найры не раздражили аппетита. И когда дракон, разделав тушу алькарда, кинул несколько крупных кусков на горячий от огня камень, я не ощутила ни капли интереса. Только продолжила следить за драконом.

Сам он тоже часто поглядывал на меня. Причем с каждым разом хмурился все сильнее. Когда он поднялся и, ничего не говоря, покинул пещеру, я не испугалась. Хотя, пожалуй, стоило бы. Однако жар будто выжег из меня не только силы и голод, но даже страх.

Я проводила дракона мутнеющим взглядом, отвернувшись и ненадолго прикрыла глаза. По крайней мере, так мне показалось... В себя я пришла от громкого треска ткани. Дернулась, вырываясь из марева темноты, и повернулась на звук.

Дракон был здесь. Не знаю, куда он уходил и когда вернется, но сейчас сидел на корточках у моей ноги. Судя по

ощущениям, штанину он порвал. Словно в подтверждение моей догадки, ноги коснулись чужие пальцы. Несильно сжали. Скользнули выше, надавили... и тут же исчезли, стоило мне закричать. От внезапной боли я на миг ослепла. А когда пришла в себя, то подавилась воздухом, потому что там, где еще недавно были пальцы дракона, теперь меня касались его жесткие горячие губы.

– Что... что ты делаешь? Прекрати...

Мой голос прозвучал слабо, жалко. Но, к счастью, настаивать не пришлось – дракон отстранился, сплюнул и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Твоя кровь горит. Если за ночь тело не сможет успокоить ее... – он не договорил.

Я криво дернула уголком рта, без слов понимая все, что не было озвучено: если к утру жар не спадет, я умру. В груди похолодело.

Охотников с первых дней учат, что наш век недолог. И мне казалось, я давно смирилась с судьбой. Но сейчас, лежа на полу пещеры посреди Пайтенских гор, поняла, что не готова умирать. Случись это еще сутки назад – в бою, с зажатым в руке дайгенором, – я бы не побоялась. А вот так – медленно, неотвратно, угасая, точно огарок свечи, – не хочу.

– Тогда в нашем поединке дракона и человека победа останется за тобой, – несмотря на страх, мой голос прозвучал твердо, как и подобает истинной дочери Ордена.

Дракона такая стойкость разозлила. Он наклонился, впил-

ся в меня взглядом, словно иглами, и процедил:

– Что, охотница, собственная жизнь ничего для тебя не значит, раз так спокойно говоришь о смерти? Или в вашем Ордене учат именно этому – покорно принимать судьбу?

– Горячку крови не вылечить. Если боги будут милостивы, мое тело само ее погасит; если нет – значит, мой срок настал. Или что, у чудовищ есть зелья, творящие чудеса? – спросила я, не пряча издевки.

Гнев дракона вызвал во мне ответную ярость. Зачем он заставляет меня озвучивать прописные истины? Чтобы напомнить о скорой кончине? Или хочет подарить пустую надежду, а потом потешаться, наблюдая, как я цепляюсь за нее? Не выйдет. Пусть я не прошла новое рождение, но по духу я охотница. И если пришел мой час, я встречу его как подобает. С честью.

Дракон не ответил. Рыкнул, опалая дыханием кожу, и одним плавным движением поднялся.

– Моли своих богов о помощи, охотница. И если они тебя услышат, ты никогда не узнаешь, какими могут быть зелья чудовищ.

Глава 2

Боги отвернулись от меня. Я поняла это ближе к ночи, когда почти ослепла от жара. Взор размылся, окружающий мир превратился в пятно смазанных красок. И только тени от костра оставались четкими. Они шевелились, подбирались ко мне, словно дикие звери, замирали перед прыжком. И вместе с ними замирала я. Дух охотницы требовал действий; слабое, налившееся тяжестью тело – покоя. Противоречия выматывали почти так же сильно, как и жар.

Пропитавшаяся потом одежда липла к коже. Хотелось содрать ее, остаться почти нагой под редкими порывами ветра, задувающими в пещеру. Под ними становилось легче, пусть и ненадолго.

Несколько раз я проваливалась в беспамятство. Выныривала из него, точно из болотной топи, и увязала вновь. Иногда, очнувшись, я чувствовала прикосновения дракона – он что-то прикладывал к моей ноге, чем-то смачивал лоб. Дважды снова прижимался ртом к ране и сплевывал отравленную жаром кровь.

В себя я пришла в предрассветных сумерках. Очнулась и вдруг поняла: это последнее пробуждение. Как у погибающей птицы, которая находит силы встрепенуться еще лишь раз. И, кажется, дракон тоже это понял.

Он сидел рядом. Смотрел на меня пристально, почти не

моргая, и хмурился.

– Твои боги оказались глухи, охотница, – заметил он, стояло нашим взглядам встретиться. – Но мои все слышат.

– Ты молился за меня? – я тихо усмехнулась.

Пусть сил во мне, как в той птице, осталось лишь на рывок, но я взлечу. В последний раз. И дракон не увидит моего страха перед падением.

– Нет. Но я поклялся Первопредку, что ты вернешься к своим.

– Что ж, значит, ты поспешил.

Дракон оскалился. Пальцы на его руке вдруг стали удлиняться и утолщаться, наливаясь темным золотом. В тусклом свете костра блеснули когти. Их движение вышло стремительным: словно золотая молния сорвалась и исчезла, оставляя после себя ощутимый запах. Только не свежести, а драконьей крови. Оскал дракона стал шире – как у хищника, готовящегося к нападению.

И оно последовало.

Я не успела ни дернуться, ни уклониться, когда он резко вскинул руку и прижал кровоточащий порез к моим губам. Зеленые глаза полыхнули алым, и все во мне оборвалось. Я была готова умереть от жара. Была готова к тому, что дракон раздерет когтями мое горло. Но не к тому, что он решит отравить меня своей кровью.

В памяти взметнулись цветные образы. Наша с драконом схватка, мой удар дайгенором по мощной груди; брызги кро-

ви на кожаном доспехе, и шипение, с которым тот начал сгорать. Пришлось быстро скидывать его, а самой кувырком уходить от атаки. Вспомнилось, как задымились камни от попавших на них капель, а в воздухе запахло серой. И когда драконья кровь хлынула мне в рот, боюсь, я не сумела скрыть ужаса во взгляде.

* * *

Сначала вернулось ощущение жара, за ним пришло чувство тяжести. Никогда прежде собственное тело не казалось мне таким неподъемным. Я попыталась шевельнуть рукой – не вышло. Попыталась сжать пальцы в кулак или хотя бы открыть глаза – без толку.

Неужели забвение именно такое? Вечность в неопределенности, в неспособности даже увидеть, что творится вокруг. Тысячи дней лежать и не знать, как изменился мир после твоей смерти. Только вслушиваться в звуки, пытаться по ним догадаться, что происходит. Вот сейчас я отчетливо различала треск костра, приглушенный шорох каменной крошки, шаги...

– Просыпайся, охотница, – низкий, чуть рычащий голос прозвучал пугающе близко.

Инстинкты вздыбились, словно шерсть у кота на загривке. Дракон! Дракон рядом! А я лежу перед ним беззащитная, как ягненок!

– Ну же, охотница, хватит изображать немощь! Неужели в твоём Ордене все такие неженки?

Насмешка стеганула вожжой. В груди полыхнуло, челюсти свело. Окажись сейчас меж ними кусок выделанной кожи – не вырвешь.

– Может, стоит наведаться туда и проверить?

В Орден? Где десятки необученных послушников? Мои братья и сестры?

Мысли еще летели, одна сменяя другую, а в груди уже родился рык. Пусть не такой низкий, как у дракона, но сильный, неистовый. Я потянулась навстречу – дракону, моей ярости, желанию защитить своих. Веки на мгновение сжались – и поднялись.

– Не смей!

– Наконец-то. Долго же пришлось тебя будить, – недовольно заметил дракон и развернулся к костру. – Ты даже слабее, чем я думал.

Все во мне натянулось, как тетива. Я уставилась в широкую спину, готовая спустить стрелу ненависти, но замерла, увидев повязку на его руке. С трудом повернув голову, отыскала взглядом камни с выжженными неровными углублениями – местами, куда упали капли драконьей крови. Потом осторожно облизнула губы. Соленые.

– Почему я жива?

Дракон посмотрел на меня искоса, однако отвечать не стал. Взял жареного алькарда, оторвал небольшой кусок и

вернулся.

– Ешь, – приказал коротко, прижимая мясо к моему рту. – Если сил жевать нет – скажи, я помогу.

Я скрипнула зубами. Он издевается?

Не сводя яростного взгляда, я вцепилась зубами в мясо и пусть с усилием, но принялась жевать сама. Дракон криво ухмыльнулся. Вернулся к костру, опустил в метре от него и устался в огонь.

Минуты на две пещеру окутала тишина. Потом дракон заговорил:

– Люди не умеют контролировать свою кровь. Вы тратите ее в битвах, проливаете, принося клятвы, и платите ею за ошибки. Но при этом не можете вытравить из нее болезнь. Нам же это под силу. Пока я контролирую свою кровь в тебе, ты не умрешь.

Сказанное мне не понравилось. Осознание, что теперь моя жизнь зависит от дракона, – тем более.

– И что теперь? – спросила я, с трудом проглотив плохо прожеванный кусок.

– Дождемся, когда метель успокоится. Потом отправимся в Северные Гнезда. Наше поселение, – пояснил дракон, стоило мне нахмуриться. – Гррахара – старейшая из нас – сумеет тебе помочь.

– Но... ты же сказал...

– Что ты жива, пока моя кровь в тебе. Но чтобы контролировать ее, я должен быть рядом. Если уйдешь к своим, я

утрачу контроль, и ты умрешь. Сгоришь изнутри.

Дракон говорил о жаре, но меня от его слов сковало изморозью.

— Поэтому нам нужна Гррахара. Когда мы окажемся в Северных Гнездах, я вытравлю из тебя свою кровь, а Гррахара вылечит твою.

— И ты так легко допустишь человека в поселение драконов? Охотницу?

В ответ кривая ухмылка.

— На этот счет не переживай: покинув Северные Гнезда, ты не отыщешь дороги обратно. И привести других охотников не сможешь. Мы не убиваем без нужды, но и поставлять шею под ваши дайгеноры не станем. А сейчас поспи, охотница. Твоему телу нужно свыкнуться с драконьей кровью.

Я нашла в себе силы кивнуть. Несколько секунд не сводила с дракона взгляда, обдумывая все, что он для меня сделал. И решилась.

— Кинара, — выдохнула тихо. — Меня зовут Кинара.

Темные брови едва заметно изогнулись, выдавая удивление дракона. Однако уголки губ приподнялись в намеке на улыбку.

— Спи, Кинара, — произнес он так же тихо.

И я действительно заснула.

Метель не успокаивалась еще два дня. Лишь на третий плотная пелена снежной завесы рассеялась, уступив место чистому небу. За это время мы почти прикончили алькарда. По большей части ел дракон. Ко мне аппетит возвращался очень неохотно. Только колкие замечания да напоминания о слабости могли заставить меня есть. И дракон нагло этим пользовался.

Он так и не назвал своего имени. Ко мне же обращался то Кинара, то охотница, будто не мог определиться: относиться ко мне как к члену Ордена, истребляющего его вид, или как к человеку, с которым оказался связан. Я часто ловила на себе его задумчивые взгляды. Видела хмуро сведенные брови, подмечала напряженные позы. Он никогда не садился ко мне спиной, чаще вполоборота. И одна часть меня ликовала, видя в этом признание – дракон опасается меня, чувствует угрозу! Но другая терзалась сомнениями.

С первого часа пребывания в Ордене нам неустанно повторяют основные истины: драконы – чудовища, не знающие жалости. Они кровожадны и яростны. Убивая их, мы оберегаем покой жителей Равьенской империи. Но сейчас, в этой пещере, я вижу не чудовище, а живое создание, которому не чужды другие эмоции помимо ярости. Того, кто может быть заботливым, верит во что-то и чтит принесенные клятвы.

А еще я вижу мужчину. Сильного, опасного, со внутренней мощью, которую невозможно не почувствовать. Будь он человеком, любая из женщин была бы счастлива пойти за него, родить ему крепких сыновей, готовить ужин и согревать постель.

Может, поэтому нам не рассказывают, что драконы могут менять обличье? Чтобы не сбивать молодняк с пути? Пусть охотниц в Ордене немного – чаще праведные отцы выбирают сыновей, – но мы есть. Хватит одной инакомыслящей, чтобы выбить камень в основании нашей веры.

Дракон фыркнул. Поймал мой хмурый взгляд и насмешливо качнул головой.

Я прищурилась.

– Что тебя так развеселило? – спросила требовательно.

– Ты, охотница. Громко думаешь.

На секунду я оторопела.

Драконы могут слышать мысли? И теперь он знает, что я... что я... оценивала его как мужчину?!

Стыд прокатился по телу обжигающей волной. Я вскинулась, невольно схватила тонкую ветку из тех, что были принесены для костра, и подалась вперед. Но дракон, будь он проклят, даже не напрягся! Сидел все так же расслабленно: ноги скрещены, колени разведены, плечи опущены. И взгляд... насмешливый, потешающийся.

– Я решил, ты думаешь о своем Ордене. Но, судя по реакции, в твоей голове блуждают совсем другие мысли. Рас-

скажешь какие?

– Не твое дело, дракон.

Я раздраженно откинула ветку в костер. Пламя полыхнуло, выплюнуло в воздух сноп алых искр и затрещало, пожирая сухую кору. Жар от костра лизнул мои без того горящие щеки.

Меня не готовили к такому. Убивать чудовищ? Да. Быть готовой самой пасть в бою? Снова да. А вот оказаться связанной кровью с одним из них, делить ночлег и еду... Нет, к такому я не готова. Возможно, окажись дракон женщиной, было бы проще. Но он мужчина – не брат по оружию, не наставляющий отец, а незнакомец. Чужак. И одно то, что он заставляет меня думать обо всяких глупостях вроде сыновей и постели, усложняет все.

В Ордене закаляют наши тело и дух. Учат контролировать плотские порывы, хотя и не возбраняют им следовать, если это не мешает выполнению долга. По крайней мере, мужчинам. Каждый из братьев несколько раз в луну уходит в город и возвращается лишь со следующим рассветом. Отцы с пониманием относятся к желаниям своих сыновей.

С дочерьми они держатся строже, опасаясь, что, раз уйдя, мы не вернемся. И сколько бы мы ни уверяли, что никогда не променяем дайгенор на кухонный нож, нас не слышат. Нет, силой не держат – все же служение Ордену должно идти от сердца, – но перед каждым выходом охотницы в город у нее забирают оружие, оставляют лишь горсть медяшек и застав-

ляют выпить густой отвар из поземника. Вкус у него преотвратный: горький, вяжущий, тягучий. Но сестры всегда соглашались. Еще бы! Ни одна не хочет затяжелеть и лишиться дайгенора.

Я же, как не прошедшая новое рождение, в городе не бывала. Но, по правде сказать, никогда особо и не рвалась – тренировки с дайгенором интересовали меня куда больше, чем ночные похождения. В какой-то момент я даже решила, что боги благословили меня на безразличие к мужчинам. Теперь же поняла, как ошибалась.

Поначалу я была уверена, что не свожу с дракона взгляда, потому что он чудовище, враг, и следить за ним – первейшее правило охотницы. Но дракон спас меня, доказал, что не несет угрозы. А значит, и следить за ним не надо. По крайней мере, так рьяно. Однако взгляд будто прилип к мощной фигуре.

Я просто не могу перестать его рассматривать! Не могу не подмечать, как светится смуглая кожа в отблесках костра. Как напрягаются мышцы на руках, когда дракон скручивает и ломает толстые ветки. Как длинная коса, украшенная мелкими цветными камешками, тяжело спадает на пол, если дракон наклоняется низко-низко. В такие моменты все во мне замирает. Натягивается до звона, как струна, и будто чего-то ждет.

Проклятье!

Я не сдержала тихого рыка, схватила другую ветку и при-

нялась тыкать ею в костер, вороша угли.

– Здесь достаточно тепла, – заметил дракон, не сводя с меня пристального взгляда.

Я зыркнула в ответ, но тут же отвернулась. Сейчас я не готова играть в гляделки с драконом.

– Тебе, может, и хватает. Мне – нет.

– Не ври, маленькая охотница.

Тихая усмешка заставила вскинуться и все-таки встретиться с ним взглядом. В глубине зеленых глаз плясали искры – то ли отблески костра, то ли пламя самого дракона.

– В тебе моя кровь, с ней не замерзнешь. И завтра, когда мы отправимся в Северные Гнезда, тебе не будет холодно.

Я недоверчиво прищурилась. Что-то мне не понравилось в его словах. Но что именно?

Ответ я получила уже на рассвете.

Затушив костер, дракон собрал вещи, скрутил шкуры в тугой узел, сдвинул один из камней у дальней стены и запрятал все в небольшое углубление. Потом вернул камень на место.

Я следила за его действиями и чувствовала, как в груди разливается разочарование. За минувшие дни ведь ни разу не задумалась, откуда здесь котелок, шкуры, несколько грубо вырезанных мисок... А еще охотница! Если бы сейчас кто из отцов меня увидел – отвернулся бы.

Дракон будто что-то почувствовал. На секунду остановился, кинул на меня беглый взгляд и зашагал к выходу.

– Ты умирала, Кинара, – заметил он, не поворачивая головы. – В таком состоянии мало кто отличается наблюдательностью. Не изводи себя пустыми укорами.

В два спешных шага я нагнала его и пристроилась по левую руку.

– Снова подслушиваешь мои мысли?

– Может, и так, – он улыбнулся. – А может, у тебя слишком живая мимика.

Мы вышли из пещеры.

Ночь почти истаяла, уступив место серости. Большинство звезд погасло, но горсть самых ярких еще мерцала на небосводе драгоценными камнями. Под их светом снег искрился холодным отблеском.

– Вон там ровно, – дракон жестом указал правее. – Ты должна лечь на спину в центре той площадки.

– Зачем?

– Чтобы мне было удобнее тебя взять. Ты же не думаешь, что мы отправимся в Северные Гнезда пешком?

На секунду я оторопела. Отступила на шаг, чтобы лучше видеть лицо дракона, и неверяще на него уставилась. Он это серьезно?! Хочет, чтобы я, охотница Ордена праведных, полетела? На нем?!

– Ну же, Кинара, смелее. Бояться нечего.

– Это не страх, дракон, а разумная осторожность.

Мой ответ его развеселил.

– Обещаю, что не уроню. Охотниц я не носил, но с коро-

вами проблем не возникало. Все оставались довольны.

– Коровы тебе сами об этом сказали?

Я недовольно дернула плечом и зашагала в нужную сторону. Полететь на драконе? Легко! И вовсе я не боюсь! Вряд ли это страшнее, чем подъем по отвесной скале.

Оказавшись на месте, я легла на спину. Снег с хрустом смялся под моим весом, мягко принял в свои объятия. Удивительно, но холодно не было. Я лежала, зарываясь пальцами в белоснежную крошку, и не ощущала ни стылых покалываний, ни сковывающего мороза. Ничего. Интересно, об этом ли говорил дракон?

Я подняла ладонь и уставилась на белую кожу. Если порезать палец и капнуть кровью на снег – что будет? Растает ли он, как от драконьей крови? Или лишь напитается цветом? А может, никакой особой магии нет? И дракон просто обманул меня, а я, как деревенская дурочка, поверила на слово? Тогда, получается, никакой связи нет... Я могу сбежать.

Однако додумать я не успела. Низкий, протяжный рев заставил вздрогнуть и посмотреть вверх – на гигантскую тень, что стремительно приближалась. Мощные крылья хлопали, создав ветер и сбивая им верхний слой пухляка. Толстые когти отливали золотом в рассветных лучах. Огромная лапища опустилась поперек моего тела, придавила на мгновение, глубже погружая в снег, и рывком дернула вверх. Когти, щелкнув, сомкнулись. Сильные, покрытые чешуей пальцы сжались крепче, чтобы не выронить ношу – меня.

Каждый взмах крыльев ощущался упругим толчком. Видела я мало: мощную шею дракона и стремительно светлеющее небо. Повернуться не получалось, да и, признаться честно, не хотелось. Я замерла, словно статуя, только сердце гулко билось в груди. Даже сквозь рев ветра я отчетливо различала его удары, слышала шум крови в ушах.

Холодный воздух забирался под одежду, трепал волосы, ударяя ими по лицу. Проклятье! Надо было крепче затянуть ремешок на косе! Будто подслушав мои мысли, ветер сорвал с волос завязку. Рыжие пряди взметнулись точно пламя, застлали взор. Пришлось перестать изображать статую и несколько раз мотнуть головой, сбивая их с лица.

Зря я пошевелилась, ой, зря! Когда взгляд случайно упал вниз, я едва сдержалась, чтобы не завизжать. Горы остались далеко внизу. Причем так далеко, что, если вдруг дракон разожмет лапу, падать я буду долго. Стоило только представить, каково это, и меня затошнило. Я мысленно взмолилась, чтобы Северные Гнезда оказались где-нибудь поблизости, и путь до них занял бы не больше часа. Но нет. Мы летели почти день. Целый световой день в напряжении, немом страхе перед высотой и собственной незащищенностью!

Когда дракон резко ушел в пике, я не закричала – сжалась так, что свело мышцы, зажмурилась до боли. Даже дышать перестала! Упругий толчок, мягкое скольжение меж пиками скал и... падение.

Я пролетела совсем немного, даже испугаться не успе-

ла. По крайней мере, не сильнее, чем раньше. Снег смягчил удар, взлетел холодным пухом и укутал меня почти с головой. Я осторожно ощупала себя, уверяясь, что в порядке, медленно села. По правде говоря, хотелось тут же вскочить, предстать перед драконами истинной дочерью праведных, несокрушимой охотницей!.. Но тело слушалось плохо. Мышцы ныли, шея казалась свинцовой, проклятые волосы лезли в лицо.

– Рроак Нейдр ках Ольдрайк! – раздался чей-то недовольный голос.

Я обернулась и увидела невысокую крепкую женщину с седыми косами, перетянутыми ремешками. Несмотря на холод, на ней была лишь меховая жилетка со стоячим воротником да темно-синее платье из плотной ткани.

– Рроак Нейдр ках Ольдрайк! – недовольно повторила незнакомка, наступая на дракона, принесшего меня. – Потрудись-ка объяснить, с какой это стати ты притащил сюда человека? Да еще и деву! Взыграла память крови?

– И я рад тебя видеть, Гррахара, – улыбнулся дракон.

Не обращая внимания на недовольство, он приблизился и заключил ее в крепкие объятия. Потом тихо – так тихо, что я едва разобрала, – произнес:

– Она охотница, Гррахи. И она нужна нам.

Глава 3

Услышанное мне не понравилось, заставило отодвинуться от драконов. Бежать глупо – сейчас, в их землях, да еще и безоружная, я неспособна дать отпор. Но и скрыть желание оказаться хоть немного дальше, я не смогла.

Гррахара смерила меня внимательным взглядом. Вытянутые зрачки на миг расширились, став почти круглыми, потом вновь сжались в нитку. На лице застыло удивление.

– В ней твоя кровь, Рроак.

– Да. Давай я отведу Кинару в дом, а потом мы с тобой обо всем поговорим.

Стоило ему назвать меня по имени, и удивление Гррахары стало еще заметнее. Секунды три она всматривалась в лицо Рроака, потом кивнула:

– Я буду ждать. Но прежде, чем ты придешь, советую встретиться с парящими. Тебя долго не было, пошли слухи... Успокой свой народ.

– Конечно.

Рроак повернулся ко мне. В несколько шагов оказался рядом и протянул руку. Вот так просто. Будто равной.

Успокой свой народ...

Я задрала голову, встречая его взгляд. Увидела едва заметный кивок и, доверившись, вложила пальцы в широкую ладонь. Поднялась плавным движением и зашагала рядом.

Несмотря на ломоту в мышцах, спину держала прямо. Я охотница! Ни один дракон не увидит моей слабости! Никогда! Ни один... кроме Рроака.

Он вел меня по узким улочкам, больше похожим на козьи тропы. Шел неспешно, явно давая осмотреться, и я беззастенчиво пользовалась выпавшим шансом.

Северные Гнезда поразили. Это оказался и не город, и не деревня – нечто среднее, удивительным образом приютившееся на ровных площадках между пиками скал. От одной к другой вершине изогнутыми луками протянулись каменные мосты, в небо устремились серые башни, широкими языками над ущельями зависли уступы для приземления ящеров. Дома были добротные, двух- и трехэтажные. Цветные покрашенные крыши, как пояснил Рроак, позволяли драконам увидеть Северные Гнезда издалека.

Вдоль улиц выстроились столбы с массивными чашами наверху. В каждой горел огонь, разгоняя вечерний сумрак. И если посмотреть вдаль, ряд столбов превращался в алую ленту, освещающую все уголки поселения.

Мы миновали три гнутых моста, пропетляли по узким улочкам и оказались перед огромным зданием: не дворец, но и не просто дом. Массивное, оно будторосло одним боком в скалу, протянулось вдоль нее вверх, разветвилось толстыми башнями и открылось широкими балконами-террасами. На стенах едва заметно мерцала вязь незнакомых символов. Шпили венчали чаши, похожие на уличные, но более изящ-

ные. И в них тоже горел огонь.

Я остановилась. Замерла как вкопанная и разглядывала, разглядывала, разглядывала. Даже боль в шее почти не ощущалась – настолько меня захватила красота драконьего города.

– Впечатляет?

Рроак встал рядом.

– Невероятно! Как вы смогли построить... такое? – Я восторженно взмахнула руками, не в силах подобрать слов.

– Мы все же драконы, Кинара. И можем больше, чем люди. Пошли.

– Туда?

Рроак тихо хмыкнул.

– Нет. В чертог тебе нельзя. Эту ночь проведешь в моем доме, а завтра решим, как лучше поступить.

Я повернулась к Рроаку и встретила его внимательный взгляд. Дракон будто готовился отбиваться от моих возражений или возмущения. Но я лишь пожала плечами. Провести ночь в его доме? Легко. Мы уже делили ночлег. И пусть по людским понятиям это неприлично, здесь чужая земля. И чужие порядки. Если Рроак решил привести меня к себе – значит, на то есть причины.

– Хорошо. В какую сторону идти?

Он снова усмехнулся и зашагал правее. Я двинулась следом.

Мы отделились от чертога улицы на три, остановились у

большого дома, тоже одной стеной вросшего в скалу. Рроак в два шага взлетел на крыльцо и гостеприимно распахнул дверь.

– Вы не запираете жилища?

– Нет. Зачем бы? Дракон никогда не украдет у другого дракона. Проходи.

Внутри оказалось уютно. Почему-то, глядя на горы и камень вокруг, я думала, что и убранство будет таким же серым, колючим. Но я ошиблась. Стоило переступить порог, и нос защекотало ароматами дерева, меха, теплой кожи, пряностей.

Коридора здесь не оказалось – мы попали сразу в гостиную. Просторную, если не сказать огромную, комнату освещало несколько ламп. Причем не привычных масляных, а диковинных – с языками пламени, пляшущими под граненым стеклом. Два больших дивана стояли друг напротив друга, между ними вытянулся деревянный стол на низких ножках. В стороне замерли шкаф с реечными дверцами и внушительных размеров сундук. У камина, в котором Рроак уже разжигал огонь, приютились кресла.

– Пойдем, покажу, где можно помыться. Переоденешься пока в мои вещи, а к завтрашнему утру, уверен, Гррахи пришлет кого-нибудь с платьем, – распорядился Рроак, когда поленья занялись.

Я кивнула и без лишних вопросов двинулась за хозяином дома на второй этаж. Душу терзали сомнения. Почему он

так любезен с охотницей? Ради чего? Просто доказать, что драконы не чудовища, как мы привыкли считать? Или его планы хитрее?

Не хотелось думать, что я по глупости попала в расставленную ловушку, но и отрицать очевидное глупо. Я здесь, в поселении драконов, связана кровью с одним из них. Навивно полагать, что это черед случайностей. Да еще та фраза, сказанная Гррахаре... Что же ты задумал на самом деле, дракон?

* * *

Умывальня дракона нашлась в конце коридора. Большая, добротная, с лоханью – такой огромной, что в ней легко могли поместиться два человека; с круглым зеркалом, длинной лавкой и узким шкафом.

– Мыльная паста, зубной порошок, настой мяты, полотенце, сменная одежда... – На каждую вещь Рроак указывал жестом. Последней его внимания удостоилась металлическая цепочка, свисающая с потолка над лоханью. – Вода. Дерни раз – польется. Дерни два раза – остановится.

Я опасливо приблизилась к цепочке. Посмотрела на нее. Бросила недоверчивый взгляд на Рроака.

– Это драконья магия?

– Не совсем. Скорее драконья любовь к удобству.

Он усмехнулся и вышел. Я снова огляделась. Подошла к

двери, задвинула засов. Отогнала мысль, что при желании Рроак вынесет эту деревяшку одним ударом. Скинула грязную одежду и, забравшись в лохань, мужественно потянула за цепочку. Тут же с потолка полилась вода: не сплошным потоком, как водопад, а струями, будто ливень. В первую секунду я настороженно замерла, но быстро расслабилась. Когда сестры поливают голову из ковша выходит хуже – выплескивается сразу много и брызжет во все стороны, а так получается аккуратно. Даже жаль, что в Ордене до такого не додумались.

Я купалась долго. Вымылась до скрипа, аккуратно стерла размокшие корочки, образовавшиеся на месте порезов, – с драконьей кровью они заросли всего за ночь – и выбралась из лохани. Чистые вещи, сложенные стопкой, нашлись на краю лавки. Я взяла светло-серую рубаху, поднесла ее к лицу и замерла, ощутив запах мыла, ветра и дыма – самого Рроака. Интересно, я тоже запахну им, если надену его вещь?

Мысль отчего-то взволновала. А следом за волнением пришла злость.

Да что с тобой, Кинара?! Успела поддаться драконьим чарам? Забыла долг охотницы и принесенные клятвы?

Нет. Не забыла.

Рроак – дракон, враг. И я не стану видеть в нем никого иного.

Кивнула, утверждаясь в этих мыслях, и принялась одеваться.

Рубаха оказалась мне по колено. Влажные волосы я кое-как разобрала пальцами и оставила распущенными. Вернув баночки на место и сложив грязную одежду стопкой в углу комнаты – чинить и чистить ее сейчас не было ни сил, ни желания, – я вернулась в спальню. Села на кровать, прислушалась... Тихо.

Инстинкты охотницы не давали расслабиться. Остаться в доме врага безоружной, почти нагой – стыд и позор для любой дочери Ордена! Не выдержав, я поднялась и на цыпочках вышла в коридор. Снова прислушалась. Глянула вниз – на щели между полом и дверьми. Темные. Значит, кроме меня никого. Уже хорошо.

Однако внутреннее напряжение не спадало. Отвечая ему, я прокралась к лестнице и тихо, кошачьей поступью спустилась. Выглянула из-за угла. Убедилась, что гостиная тоже пуста, и двинулась дальше. Неужели дракон ушел? Ушел и оставил врага в своем доме? Какая беспечность! Никто из охотников так не поступил бы.

Дальше по коридору нашелся кабинет. Шкафы с книгами, пара кресел, сундук, большой стол, заваленный свитками... Пальцы закололо от желания заглянуть в них. Если я все правильно поняла, Рроак тут главный, а значит, в его бумагах хранится столько полезной информации, сколько Орден не получал и за десятки лет!

Я должна все выведать! Должна!.. Но ноги будто приросли к полу.

Рроак ни разу не воспользовался моей слабостью, хотя возможностей было предостаточно. Так могу ли я поступить столь подло?

Совесь жалила, словно овод, требовала развернуться и уйти. Дух охотницы настойчиво толкал вперед, напоминая о принесенной Ордену клятве. Противоречия разрывали. Я замерла перед открытой дверью не в силах двинуться ни вперед, ни назад.

Проклятье! Нет, не могу. Я добуду сведения для Ордена, но другим путем. Не пробираясь в кабинет Рроака, словно крыса в чужую кладовую.

Стоило принять решение, и чувство тяжести в груди исчезло. Я глубоко вздохнула, улыбнулась, довольная собой, и только хотела отойти, как меня резко дернули вбок. Крутанули и с силой впечатали спиной в стену. Удар вышиб воздух, отозвался темными пятнами перед глазами.

Я не сразу поняла, что происходит и кто на меня напал. К счастью, натренированное тело среагировало само: я замахнулась кулаком, целясь куда-то вверх, и, пока правую руку перехватили, левой ударила чужаку под ребра. Раздался шумный выдох. Но уже в следующую секунду оба моих запястья с силой сжали. Развели в стороны и зло, явно стараясь сделать больно, ударили ими по деревянной обшивке стен.

Я зашипела. Тряхнула головой, прогоняя мельтешащие перед глазами точки, и без страха посмотрела на разъяренного дракона.

Кем бы он ни был, он уступает Рроаку в росте и ширине плеч. Но в их чертах проскальзывает что-то неуловимо похожее: оттенок волос, линия скул и подбородка, резкость во взгляде. А вот сами глаза другие – темные, почти черные. И только вокруг зрачка, повторяя его вытянутую форму, пульсирует золотой контур.

– Вздумала шпионить, дрянь?

От низкого, вибрирующего голоса волоски на теле встали дыбом. Инстинкты охотницы завопили об опасности, кровь вскипела, точно молоко на огне. Однако внешне я сумела сохранить спокойствие.

– Ничего подобного, – даже в интонации не проскользнуло и тени захлестнувших меня эмоций. – Хотела, – ответила честно, – но не стала.

Дракон оскалился. Наклонился ниже, коснулся щекой моей щеки и, обжигая дыханием ухо, рыкнул:

– Думаешь, тебе кто-нибудь поверит, охотница? Все знают о подлости вашего племени.

Охотница? Он знает, что я из Ордена. Откуда? Подслушал, как и я, разговор Рроака и Гррахары? Или ему сказал сам Рроак?

– Но я ничего не тронула!

– Никто не поверит, – повторил он хрипло. – Никто.

Я напряглась. Дернула головой, пытаюсь отстраниться, и задержала дыхание. От дракона шел резкий неприятный запах, как от горящего торфяника.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты убралась из Северных Гнезд.

Дракон выпрямился и медленно, взглядом предупреждая, что дурить опасно, отпустил мои руки. Я так же медленно их опустила. Горящие от сильной хватки запястья трогать не стала. Не сейчас. Не при драконе.

– Я не могу.

– Почему?

– Я...

Горло вдруг пересохло, и вытолкнуть из себя звук не получилось. Будто сами боги не позволили мне рассказать о крови Рроака, бегущей по моим жилам.

– Не знаю дороги, – ответила после секундной заминки. – И не уверена, что смогу ее найти. Пайтенские горы опасны для людей. Даже охотники редко поднимаются выше перевала. А сейчас, после недавней метели... Скорее уж я сверну шею, свалившись в прикрытую снегом расщелину, чем безопасно спущусь к предгорьям.

Взгляд дракона изменился – стал еще более внимательным, цепким. Все внутри меня сжалось, словно пружина. Казалось, только тронь – и она распрямится. И тогда либо дракон кинется на меня, либо я, позабыв про осторожность, на него.

Мы замерли друг напротив друга. Одинаково напряженные, собранные. Одинаково не спешащие верить. С Рроаком я почти забыла, что между людьми и драконами нет ми-

ра. Мы враги, бьющиеся насмерть уже многие поколения. И я была непозволительно глупа, доверившись ему. А ведь инстинкты охотницы пытались образумить меня: заставляли сомневаться, вслушиваться во фразы, сказанные полусшепотом, подмечать детали. Так почему же я решила, что Рроак на моей стороне? Или мне захотелось, чтобы это было так?

– Тебя останавливает только это?

В голосе дракона – холод и презрение. И они куда понятнее, чем неожиданная помощь Рроака.

– Да.

Дракон медлит. Едва заметно морщится. Видимо, мой запах ему приятен еще меньше, чем мне – его. Так и должно быть. Так правильно. Ведь мы – враги.

– Хорошо, – раздраженно, явно через силу выплевывает он. – Я отнесу тебя к перевалу. И даже не убью. Но только если ты скроешься с моих глаз быстрее, чем я передумаю.

На самом краю сознания мелькнула мысль о крови Рроака во мне и о том, что может произойти, окажись я далеко. Но я отмела ее. Хватит! У меня нет причин верить Рроаку на слово. Да, он спас мне жизнь... но правда ли это? Вдруг мое тело само погасило жар, а дракон лишь разыграл представление, воспользовавшись моей горячкой? Вдруг никакой привязки не существует, и меня обманули? Да еще та фраза Рроака о том, что я нужна драконам... Нет, лучше вернуться к праведным отцам и братьям по оружию. Рассказать им обо всем, что мне довелось увидеть, помочь осознать, что драконы не

дикие звери. И этим исполнить желание Рроака.

– Договорились, – я первой протянула руку и не поморщилась, когда дракон с силой ее сжал.

Сборы много времени не заняли. Надевать грязные рваные вещи на чистое тело не хотелось, но становиться воровкой, пусть и такой мелочи, как чужая рубаха, хотелось еще меньше. Одевшись и заплетя волосы в тугую косу, я спустилась вниз.

– Ты долго, – недовольно заметил дракон. – Иди за мной. И чтобы тихо!

Спорить я не стала. Выскользнула следом, накинула тяжелый капюшон, пряча под ним приметные медно-рыжие волосы, и легко подстроилась под быстрый темп дракона.

В этот раз я почти не смотрела по сторонам. Послушно пропетляла узенькими переулками – даже не улицами! – и остановилась, когда мы вышли на широкий уступ. Снег серебрился на нем под светом толстобоклой луны. Длинные тени надежно укрывали наши силуэты, но стоит взлететь – и заметить нас станет проще. Хотя мы же не в людских поселениях. Тут, поди, дракон в небе шума не вызовет.

Я выслушала скупые указания спутника, проворно добежала до выбранного места и легла. Почти сразу свет луны заслонила огромная тень, мощные лапы вдавили меня в снег, щелкнули когтями за спиной. Рывок – и мы взлетели.

Этот дракон двигался не так плавно, как Рроак. Да и под порывами ветра ему было заметно тяжелее. Однако он упря-

мо махал черными крыльями.

Каждый охотник знает: чем дракон больше, тем он сильнее. И чем ближе его цвет к цвету пламени, тем выше шанс, что он может это самое пламя изрыгать. Но одно дело – знать, помнить из рассказов отцов или зачитанных до дыр трактатов, и совсем другое – увидеть разницу вживую.

Ящер Рроака был огромным, алым; с бело-желтым, как самое яростное пламя, спинным гребнем; с шипастым хвостом и вытянутыми, отливающими золотом когтями. Тогда, увлеченная битвой, я не думала о его красоте. Сейчас вдруг поняла, что это так. Зверь Рроака величественен и прекрасен.

Этот же дракон больше напоминает уголь. Еще тлеющий, но уголь. Черное тело, темно-красный гребень, пепельно-серые когти. Слабый... Слабый зверь, слабый человек. Такой не посмеет напасть в честном бою, только исподтишка. Вот и сейчас он уносит меня к перевалу явно против решения Рроака. Хорошо, что мне это на руку.

А на руку ли?

Мысль обожгла, словно раскаленное масло.

Да, я должна вернуться в Орден. Да, мотивы Рроака вызывают вопросы. Но не поспешила ли я, усомнившись в одном драконе, довериться другому? Или все дело в том смятении, что Рроак зародил во мне?

В Рроаке я вижу сильного мужчину, спасителя, защитника – кого угодно, только не врага. А это неправильно. Он дра-

кон. Чудовище. А я... А кто я?

Проклятье! А я – последняя идиотка!

– Эй, – заорала во все горло, пытаюсь перекрычать ветер, – поворачивай! Обратно! Давай обратно!

Но дракон меня то ли не услышал, то ли не захотел услышать.

Страх забрался под кожу. Раньше он всегда вымораживал меня, но сейчас кровь вскипела. Вспенилась брагой и ударила в голову. Перед глазами поплыло, горло стянуло тугим узлом дурноты. Я попыталась задышать чаще, но узел лишь подскочил еще выше, едва не задушив. Дрожь прострелила десятками, сотнями молний. Снова и снова, удар за ударом. Тело задергалось, и даже вся выдержка охотницы не помогла совладать с собой. Уголок рта защекотало чем-то тягучим и липким. Захотелось коснуться, стереть это, но руки не слушались.

Ускользающим сознанием я вдруг с опьяняющей ясностью поняла: Рроак не лгал. Я действительно умру, если мы окажемся далеко друг от друга. Однако вместо обреченности эта мысль вызвала радость. Глупую, отчаянную, невозможную. Но какая-то часть меня возликовала, поняв, что Рроак был со мной честен. И в затухающем разуме мелькнуло сожаление, что я не успею извиниться.

Прости, что не поверила тебе...

Всего одна фраза, но даже ее я не успела произнести – жар стал нестерпимым. Последнее, что я увидела, прежде

чем провалиться в темноту, – алая молния, прострелившая совсем рядом.

Глава 4

Чужой взгляд прошил насквозь. Словно сотни стрел, выпущенные в одну цель, разом достигли точки. Я дернулась – и открыла глаза.

Рроак смотрел на меня. Смотрел хмуро, с алыми всполохами во взгляде.

– Я мало сделал для тебя, охотница? Не сумел убедить в своих намерениях? Не спас? Не помог? Не привел к своим? Всего этого оказалось недостаточно, чтобы ты мне поверила?

Каждое слово звучало отрывисто, сквозь зубы, выдавая бешенство Рроака. Однако все во мне вскипело от неуместной радости. И оттого заставить себя говорить спокойно было особенно трудно, но я справилась.

– Я охотница, дочь праведных отцов, присягнувшая Ордену. И я...

– Должна ненавидеть нас, так? Уничтожать? Пронзать наши сердца? – он схватил меня за руку и прижал мою ладонь к своей груди, где в клетке ребер, взволнованно и часто, билось сердце. Сильное, яростное, горячее. – Неужели вбитые догмы так сильны, что ослепили тебя?

– Я... я...

– Ты охотница. Но ты не слепая. Не слепая, Кинара! И я не слепой! Думаешь, я не видел, как ты изучала меня? А Северные Гнезда? Ошибаешься! Я видел все. Каждый твой взгляд,

каждый жест. Не только сейчас – еще тогда, на перевале, когда мы схлестнулись. Когда моя кровь выжгла твой доспех. Хочешь знать, почему я не убил тебя? Думаешь, не смог? Ошибаешься, – он наклонился низко, пронзая меня раскаленным взглядом. – Я мог убить тебя еще вначале. Еще до того, как ты занесла свой дайгенор в первый раз, я уже мог убить тебя. Но не стал. Знаешь почему?

Он выдохнул и замолчал, позволяя тишине зазвенеть между нами. словно звук, рожденный от щипка струны, – чистый, вибрирующий, он коснулся меня, проник внутрь и зазвучал в самом сердце.

– Потому что я увидел в твоих глазах сомнение. Ты пришла сделать то, что тебя послали сделать, но ты сомневалась. Глядя на меня, в тот миг, когда любое промедление смертельно опасно, ты искала причины напасть. Дрянные ветра, Кинара! Ты доверилась мне в пещере! Поверила мне дважды, чтобы... что? Усомниться в последний момент?!

– Прости.

– О нет, охотница, не выйдет.

Он рывком отстранился и скрестил руки на груди.

– Прости... Рроак.

Его лицо дернулось. Буря, явившаяся в глубине зеленых глаз, замерла, словно пойманная в ловушку богов. Уголки губ дрогнули. Не в намеке на улыбку, а так, будто Рроак сам не знал, улыбаться ему или кривиться. Уставился на меня с недоверием и спустя вечность потрянул головой.

– Ты чудовищна, Кинара.

Я слабо улыбнулась, услышав укор в его голосе. Однако говорить ничего не стала – не потому, что не хотела, а потому, что не знала, что сказать. Чувства подталкивали верить Рроаку, воспитанные в Ордене привычки советовали держаться от него подальше. Но не слишком – ровно на расстоянии дайгенора. И все же какая-то часть меня наслаждалась происходящим. Не сомнениями, что раздирали похлеще уличных псов, а почти забытым чувством, будто кому-то небезразлична моя жизнь.

Я коснулась напряженной руки. Поймала хмурый взгляд и улыбнулась:

– Спасибо, что спас меня. Снова.

Вместо ответа Рроак кивнул. Помедлил секунду – и накрыл мои пальцы своими.

* * *

Мне понадобилось два полных дня, чтобы восстановиться. Еще полдюжины раз я приходила в себя, и каждый раз – каждый! – Рроак был рядом. Иногда он улыбался – не слишком радостно, но все же искренне, как мне казалось. А иногда он был занят какими-то бумагами. Поняв, что он не заметил моего пробуждения, я подглядывала за ним из-под ресниц. Совсем как в пещере. И совсем как тогда, Рроак бурчал, что у меня тяжелый взгляд. Почему-то от этого на серд-

це становилось теплее.

На третий день, когда я проснулась уже полная сил, ко мне в комнату пришла Гррахара. Как и в прошлый раз, в простом платье с меховой жилеткой поверх. С двумя косами, перевитыми ремешками. Изменилось лишь выражение лица. Если в нашу первую встречу Гррахара пусть и ворчала, но казалась доброй, то теперь прозрачно-голубые глаза смотрели холодно.

– Охотница, – произнесла она вместо приветствия, проходя ближе. – Пламенноволосяя. Не верящая. Нужная и ненужная...

Последнее слово мне не понравилось. Я нахмурилась, невольно сжала кулаки. Гррахара скользнула по ним взглядом и криво ухмыльнулась.

– Горячая, – выдала она новую оценку. Дошла до кресла у кровати, села. – Кровь Рроака в тебе почти успокоилась. Быстро... удивительно быстро для той, что едва не закипела.

– Вам это не нравится?

– Не нравится. Как и твое присутствие среди нас, – она поджала губы. – Нашим видам нельзя пересекаться. Иначе быть беде.

– В этот раз ведь все обошлось, – я постаралась улыбнуться, но передумала, поймав хмурый взгляд Гррахары.

– Не для Берготта.

– Для ко?..

Движение быстрое, словно бросок кобры, – и сухая ладонь

легла мне на лоб. От неожиданности я замерла. Вопрос, готовый сорваться с языка, вмиг стерся из мыслей.

Гррахара заметила мой испуг. Ухмыльнулась довольно, но говорить ничего не стала. Вместо этого сосредоточилась и медленно провела пальцами по скулам. Спустилась к шее, прижала к ней руку, обжигая прикосновением, и сместила ладонь еще ниже – к груди.

– Не дергайся, – потребовала она, стоило мне шевельнуться. – Нужно выжечь болезнь из твоей крови.

– Какую? Рроак ведь меня вылечил.

– Ошибаешься. Он лишь сковал жар своей кровью. Но стоит вам оказаться далеко друг от друга, и болезнь возьмет свое. Ты наверняка и сама это поняла, когда оказалась в лапах у Берготта.

Несколько минут Гррахара молчала, медленно перемещая ладонь по невидимым точкам на моем теле. Потом не выдержала:

– Ольдрайки рассорились. Впервые за долгие годы! И все из-за тебя.

Мне достался полный осуждения взгляд. Старая драконица явно ждала моего смущения, может, даже извинений. Но я молчала. Смотрела на нее растерянно и хмурилась.

Ольдрайки? Кажется, я уже слышала это имя... Да, точно, Гррахара произносила его, когда обращалась к Рроаку. А второй, выходит, Берготт? Тот черный дракон?

– Они братья?

– Через кровь матерей. Вы, люди, зовете такое родство двоюродным.

– Почему же тогда имя рода одно?

Гррахара прищурилась.

– Ты задаешь слишком много вопросов, охотница. Не думай, что раз Рроак испытывает к тебе слабость, то и я буду мила. Ты чужачка. Враг. Тебе не место среди нас. Берготт ошибся, пойдя против воли Рроака, но он поступил так, чтобы защитить Северные Гнезда. О вашей с Рроаком связи он не знал. А теперь ему придется ответить перед судом парящих – и все из-за тебя!

Не знаю, чего Гррахара ждала. Снова пыталась заставить меня почувствовать вину? Или просто выплескивала недовольство? Но я едва расслышала ее последние слова. Вместо них в ушах звучало: «Рроак испытывает к тебе слабость». Снова и снова, будто эхо в пещере. Щеки ощутимо нагрелись. Пришлось дышать медленнее, чтобы удержать эмоции под контролем.

– Чего Рроак пытается добиться? – спросила я, совладав с волнением.

– Он не сказал? Надеется на мир с этим вашим... Орде- ном, – Гррахара поморщилась. – Все отказывается верить, что не бывает мира с теми, в ком нет жалости.

Я нахмурилась. Нет жалости? Что за вздор! Праведные отцы переполнены этим чувством! Каждый год они спасают десятки жизней, помогают сиротам вернуть силы, обрести

цель. Дарят будущее. Если бы не они, я давно умерла бы в какой-нибудь сточной канаве.

– Не нужно говорить о том, о чем вы понятия не имеете!

Я вскинулась и одним размашистым движением скинула чужую ладонь со своей груди.

– Брось, охотница, всё мы знаем! – голос Гррахары скатился в рык. – Вас обучают с отрочества, натаскивают ненавидеть нас и отправляют в горы с отравленным оружием на перевес.

– Вы не знаете ничего!

Гнев заструился по венам, словно яд. Безотчетно я прижала руку к ребрам, где остались отметины после падения со скалы.

На моем теле много шрамов. Большинство из них затянулось тонкими белыми полосками, но есть и уродливые рубцы – на ребрах и голени. Однако даже они не болят так сильно, как шрамы, оставшиеся у меня на сердце и в памяти.

– Будущих охотников выбирают из сирот – из тех, кому нечего терять и некуда податься, – проговорила глухо. – Мне было восемь, когда дракон сжег нашу деревню дотла. Убил своим огнем всех, кого я любила: родителей, братьев, младшую сестру, лучшую подругу. Говорите, нас натаскивают ненавидеть вас? О нет. Уверяю, вы прекрасно делаете это сами.

После разговора с Гррахарой не хотелось сидеть взаперти. Стены давили – совсем как в ту роковую ночь, когда охваченная огнем крыша роняла горящие доски. До сих пор помню горький дым, от которого слезились глаза, собственный кашель и страх. Помню треск дерева и жар, гнавший меня, словно волк зайчонка. А еще помню, как все в душе оборвалось, когда стало понятно, что никто из моих родных не спасся.

Даже спустя десять лет я так и не сумела вытравить из сердца страх перед огнем. Он притупился, перестал преследовать меня в кошмарах. Но не исчез.

Я спустилась в гостиную, мазнула по ней взглядом, убеждаясь, что Рроака нет, схватила теплую жилетку и вышла.

Двигаться в платье было непривычно. Широкий плотный пояс мешал. Подол казался слишком длинным – все хотелось отхватить кусок ножом. А вот рукава мне понравились – до кистей закрывающие, широкие, с вытянутыми манжетами. Они не сковывали движений и при этом не мешали. Надо будет рассказать праведным отцам. Вдруг они позволят скроить новые рубахи для сестер с такими же рукавами?

Обувь, к счастью, оставили мою. Хотя Гррахара, которая принесла одежду, неодобрительно дернула носом, едва завидев старые сапоги. Поначалу я решила, что драконице хоте-

лось забрать все вещи охотницы. Будто если переодеть меня, я перестану быть дочерью Ордена. Потом поняла, что ей просто не нравится, как темно-зеленое платье сочетается с моими сапогами. Подумаешь! Зато теплые. И разношены как раз по ноге.

Холодный ветер трепал мои косы. Вместо привычной одной Гррахара уговорила меня заплести две. Потом порывалась еще перевить их цветными ремешками, как носит сама, но я отказалась. Хватит перемен. В последние дни их и так слишком много. Я теряюсь. Чувствую, будто иду по тонкому льду, и не понимаю: туда ли? Может, стоит повернуть обратно?

На улицах Северных Гнезд было шумно. Причем не только на земле, но и в небе. Иногда солнце скрывали тени огромных ящеров, стремительно проносящихся в воздухе. Несколько раз я видела, как они грузно приземляются на открытые площадки башен, как вспыхивают в огне на мгновение – и оборачиваются людьми. Точнее, принимают человеческий облик.

Я ускорилась. Миновала десяток улиц, почти бегом пересекла большой гнутый мост. Ветер на нем ощущался сильнее. Казалось, один резкий порыв – и тебя скинет в широкую расщелину под ним. Я особо не думала, куда иду. Рроак успокоил, что по Северным Гнездам я могу гулять без страха – кровь не закипит.

Очередная улица, вильнув, вывела меня на широкую пло-

щадку. В первую секунду я даже не поверила глазам. Моргнула несколько раз – и не сдержала улыбки. На открытом пятачке нашлось несколько качелей, больших горок, гигантских железных сфер. По одной стороне ровным рядом выстроились лавки, по другой нашелся уступ для драконов в зверином обличье.

В Ордене похожие площадки воздвигают временно – раз в год, на празднование божественного равноденствия. В этот день даже старшие братья и сестры теряют серьезность и вместе с младшими предаются забавам.

Над драконьей площадкой звучал смех. Дети носились друг за другом, кидались снежками. Кто-то лениво отстреливался с качелей, другие прятались за лавками. Двое мальчишек вскарабкались почти на верхушку сферы и, дразнясь, махали руками. С хохотом уворачивались от снежков и снова принимались дразниться.

Ноги сами понесли меня на площадку. Захотелось присоединиться к игре. Рассмеяться так же задорно, слепить липкий шарик и бросить его вон в того задиру на сфере. Словно спрячусь я среди детей – и получится спрятаться от сомнений, стать беззаботным ребенком.

Однако стоило мне приблизиться, дети замерли. Все как один вскинули на меня напряженные взгляды, а едва я подошла еще ближе, закричали:

– Чудовище!

– Чудовище!

– Чудовище!

Я рывком крутанулась. Убедилась, что за спиной у меня никого нет, и снова повернулась к площадке. Дети убежали. Те, что постарше, похватали маленьких и спешно уносили ноги. Некоторые оборачивались на бегу.

Я застыла, будто примерзнув к месту. Даже когда площадка опустела не сразу смогла пошевелиться. Лишь когда стало так тихо, что шум ветра вдруг показался оглушающим, я вынырнула из оцепенения. Нетвердой походкой дошла до ближайшей лавки, села. Невидящим взглядом уставилась на сферу, вокруг которой совсем недавно кипела снежная битва.

Чудовище.

В Ордене нас называют защитниками. В городах и деревнях, избавленных от драконов, нас называют спасителями. В битвах мы охотники. А для драконов мы... чудовища?

Налетевший порыв ветра поднял снежную крошку, кинул ее мне в лицо, заставил зажмуриться. Слух уловил хлопki крыльев, звучащие все ближе. Приставив козырьком ладонь ко лбу, я посмотрела на плоский уступ. Увидела кроваво-алого дракона и вспышку пламени, в котором он обратился человеком.

Рроак пересек площадку, опустился на лавку рядом со мной.

– Ты всех распугала, – заметил он с улыбкой. Но тут же нахмурился, взглядевшись в мое лицо. – В чем дело?

– Мы для вас чудовища?

– Да. Как и мы для вас.

– Но ведь...

Я закусила губу, не договорив.

Но ведь у меня не было дурных намерений.

Неважно. Все это неважно. Ни то, что я не желала детям зла. Ни то, что просто хотела разделить с ними веселье. Они увидели чудовище – и сбежали. Человеческая ребятня поступила бы так же.

Будто подслушав мои мысли, Рроак сказал:

– Мы не выясняем причин, почему столкнулись. Если дракон и человек встречаются, они либо бегут друг от друга, либо бьются насмерть.

– Вы тоже убегаете?

– Конечно. Не в каждую битву нужно вступать. Не каждый готов биться. Но бывает, что выбора не остается.

Под выразительным взглядом Рроака я смутилась. Да, когда встретились на перевале, мы схлестнулись именно из-за меня. И я же отказалась отступить – упрямо билась до последнего.

– Первое рождение? – сухо уточнил он.

Я кивнула. На душе вдруг стало гадко.

– Смерть дракона – рождение охотника. Конец жизни одного чудовища дает начало другому. Символично, не находишь?

Холодная ирония и колючий взгляд Рроака пробрали до

костей. Я невольно передернула плечами и отвернулась. На несколько минут мы замолчали, потом Рроак снова заговорил:

– Пообещай мне одну вещь, Кинара.

– Какую?

Повернувшись, я встретила его серьезный взгляд.

– Что никогда больше не приблизишься к нашим детям.

Чувствовать себя чудовищем неприятно – я знаю, уж поверь.

Но, пожалуйста, не пытайся быть для них хорошей.

– Почему?

– Ты убьешь их этим. Они должны научиться держаться от людей подальше. Иначе рано или поздно твой брат или сестра проткнет их сердце дайгенором. А может, даже ты сама.

И хотя Рроак говорил о сердцах драконов, мое на секунду престало биться.

Глава 5

Я возвращалась в дом Рроака, плутая по узким улочкам. Заблудиться не боялась – башни чертога можно разглядеть почти из любого уголка Северных Гнезд. А уж от него дорогу я найду!

Погода портилась. Порывы ветра становились все сильнее и резче, мелкая порошка норовила броситься в глаза снежной пылью. Горы оцетинились. И, подобно им, оцетинилась я. На сердце было беспокойно. Я не хотела думать над словами Рроака, но просто не могла выкинуть их из головы. Перед глазами до сих пор стоит картина игровой площадки, в ушах звучит радостный гомон.

Дети драконов, дети людей – так ли они отличаются? И те и другие растут с одинаковыми страхами, учатся ненавидеть противника, даже не понимая причин. Можно ли это изменить? Или мы обречены бегать по замкнутому кругу до скончания времен?

Налетевший порыв ветра ударил в лицо, взметнул мои косы. Я остановилась и хмуро уставилась на башни чертога, виднеющиеся невдалеке.

Суд парящих наверняка проходит там. Интересно, какое наказание ждет Берготта? И за что? Положа руку на сердце, я согласна с Гррахарой: Берготт не сделал ничего плохого. Он поступил так, как поступил бы любой, окажись в его доме

враг. Хотя нет. Берготт был со мной мягок: решил отнести к перевалу, а не убить. Охотники бы такого милосердия не проявили. Уж точно не к дракону.

Я должна поговорить с Рроаком. Нужно выяснить, почему он решил наказать брата. Уверена, есть причина. Из-за чужаков своих не судят.

Решив так, я продолжила путь. Двигалась теперь быстро, твердо. Спину держала прямо. И даже настороженные взгляды драконов не беспокоили.

Я миновала два моста и свернула на небольшую улочку, по которой, если не ошибаюсь, можно быстрее добраться к дому Рроака. Однако не успела я сделать и дюжины шагов, как вдруг меня с силой дернули и впечатали спиной в каменную стену.

– У драконов принято здороваться именно так? – я с усмешкой встретила прищуренный взгляд черно-золотых глаз.

– Весело тебе, охотница? Подставила меня и радуешься?

– Что?

Мои руки сжали сильнее. Почти до боли.

– Не прикидывайся, будто не понимаешь! Ты ведь знала о крови Рроака в тебе. Знала и промолчала, дрянь. Из-за тебя меня ждет отлучение от парящих!

Я растерялась.

– Отлучение? Из-за чего? Из-за того, что хотел унести чужака подальше от Гнезд?

Берготт зло дернул уголком рта, будто с трудом сдерживая клокочущую ярость.

– Не прикидывайся, – прорычал он и вдавил меня в неровную стену. Пришлось выгнуться – острый камень уперся прямо в поясницу. Взгляд дракона полыхнул расплавленным золотом. – О нет, охотница, не выйдет. Люди нас не привлекают.

В первую секунду я не поняла, о чем он. Потом же вспыхнула огнем смущения и гнева. Однако сказать ничего не успела – Берготт наклонился ниже, почти коснувшись моего носа своим.

– А хотя... может, я бы и попробовал. В бою охотницы яростны. Кто знает, в чем еще вы столь же неистовы?

– Ты бредишь, – фыркнула я, гася эмоции.

Сейчас не стоит им поддаваться. Дракон не справляется со своими, если еще и я проиграю внутреннюю борьбу – точно случится беда. А мы оба натворили достаточно.

– Успокойся и отпусти меня. Давай поговорим с Про...

– Поговорим? – прорычал он и надавил еще сильнее. Настолько, что в этот раз я не сдержала вскрика. – О чем? Как ты обманула меня? Как подставила? Или как рылась в его бумагах?

– Что ты несешь?! Я даже не ступала в его кабинет! И ты...

– И я могу открыть память на суде парящих. Тогда они увидят всё.

– Увидят... что?

Я напряглась. Злое торжество в голосе Берготта отозвалось стылыми мурашками по коже. И что значит – открыть память?

Узкие губы растянулись в оскале:

– Могу показать.

– Обойдусь.

Я дернулась. Камень чиркнул по пояснице, заставив прогнуться еще сильнее. Наши с Берготтом тела соприкоснулись. Я снова вспыхнула – уже только от смущения – и попыталась отстраниться. Но дракон подался вперед. Теперь он прижимал меня всем телом, не только руками. Проклятый камень впивался в кожу. Я терпела, только чтобы не погибать, но Берготт сам навалился сверху. Нос наполнился тяжелым ароматом горящего торфа. Я задержала дыхание.

– Уверена? – теперь в низком голосе звучала насмешка. Холодная, колючая, злая. – Я не стану единственным, кто сорвется в пропасть. Если гнев Рроака падет на меня – клянусь Первопредком, я сделаю все, чтобы ты тоже не избежала его ярости.

Все внутри меня выморозило от дурного предчувствия. Клятвы для драконов священны – в этом сомнений не осталось. И если Берготт воззвал к их божеству...

Проклятье!

– Что значит «открыть память»? – спросила сухо, почти требовательно.

Пусть от волнения сердце сбивается с ритма, но дракон

этого не узнает. Я охотница, дочь Ордена. И гордость праведных для меня не пустой звук.

– То и значит. Они увидят все, что видел я. Почувствуют то же, что чувствовал я. И услышат, что слышал я. Могу показать, каково это, – повторил он и, не давая возразить, добавил: – Клянусь Первопредком, ничего плохого с тобой не случится. Напротив, ты узнаешь об еще одной тайне драконов. А потом уйдешь. И я не стану тебя удерживать.

Я нахмурилась. Новая клятва вселила надежду, что Берготт говорит правду. К тому же мне действительно будет намного проще объяснить отцам это умение драконов, если я его прочувствую. Но почему же тогда все мои инстинкты буквально вопят об опасности?

– Или мы можем пойти к Рроаку, как ты хотела. Я открою ему свою память, а ты постоишь рядом. Посмотришь.

Каждое слово едва не сочилось предвкушением. Будто сделай Берготт обещанное, и все станет еще хуже. Проклятье! Как же быть?

– Я не стану уговаривать, охотница. Не хочешь? Не надо. Увидимся на суде парящих.

Фыркнув, Берготт отпустил мои руки, развернулся и зашагал прочь. Я смотрела в широкую спину и чувствовала волны дрожи, расходящиеся по телу.

Нет. Не могу. Я должна понять, что он задумал.

– Подожди!

В три шага я нагнала его и ухватила за рукав. Медленно,

будто нехотя, Берготт обернулся.

– Что? Передумала?

Сердце сжалось от волнения и страха. Великие боги, молю, пусть это не будет ошибкой!

– Да, – ответила твердо. – Я хочу, чтобы ты открыл мне свою память.

* * *

Берготт отвел меня в сторону. Заставил подняться на небольшой ящик, присыпанный снегом. И встал напротив.

– А ящик обязателен для открытия памяти? – я криво дернула уголок губ, пытаюсь за насмешкой скрыть волнение.

Берготт хмыкнул.

– Ты слишком низкая, охотница. А наши глаза должны быть вровень. Теперь расслабься. Расслабься, охотница, – повторил он, стоило мне напрячься, когда наши руки соприкоснулись. – Вот так. Ничего страшного, видишь?

Он прижал мою ладонь к своей груди. Прямо напротив сердца. Подушечками пальцев я ощутила его ритмичное биение.

– Не бойся, – произнес Берготт неожиданно мягко. И медленно, чтобы не напугать, опустил руку мне на грудь. – А теперь закрой глаза. Ты не должна видеть окружающий мир, чтобы увидеть мои воспоминания.

Я кивнула. Выдохнула через нос, успокаиваясь, и зажму-

рилась.

– Расслабься. Тебе ничего не угрожает. Просто смотри, чувствуй...

С каждым словом его голос звучал все тише, будто отдаваясь. Сердце под моей ладонью билось все ощутимее. В какой-то момент даже показалось, что оно ударяется мне в пальцы. Словно нет больше мужской груди, клетки ребер. И наших тел больше нет. Только его сердце и моя ладонь. Ритм жизни, что передается от него ко мне.

Темнота перед внутренним взором подернулась рябью. Начала светлеть, как тающая ночь. И в этих сумерках проступили силуэты: обшитые деревом стены, голые ноги, худые и белые. Светло-серая рубаха, едва прикрывающая колени. И густые рыжие волосы, почти медные из-за напитавшей их влаги.

Мгновение – и я вижу свое лицо. Хмурое, сосредоточенное, решительное. Еще мгновение – и взгляд застывает на разбросанных бумагах на столе.

А ведь когда я стояла перед дверью, даже не подумала, как этот бардак может выглядеть со стороны. Не понять: был ли он там всегда или его устроила я.

Движение ресниц – и я, стоящая у порога рроаковского кабинета, кивнула. Улыбнулась довольно, почти с гордостью, и развернулась.

Образ поплыл, перемешался, как ягодное варенье с кашей. Миг – и я снова вижу себя. Только уже прижатую к сте-

не. Волосы растрепаны, голубые глаза горят вызовом. Пальцы ощутили тонкие запястья. Нос набился запахом горячего тела, мяты и чего-то неуловимого, одновременно приятного и отталкивающего. Взгляд скользнул ниже – к плотно сжатым губам, ко впадинке между ключицами. Широкий ворот мужской рубахи разошелся, открывая белую кожу и две бледно-розовые полосы недавно затянувшихся порезов.

Новое движение, и картинка снова изменилась. Раньше плотно сжатые, теперь губы замерли в дразнящей полуулыбке. В глазах лукавый блеск. Меня прострелило от ощущения чужого тела, прижимающегося к моему. Внизу живота стало тяжело и жарко.

А потом в ушах, словно эхо, зазвучал голос Берготта:

– Вздумала шпионить, дрянь?

Голубые глаза полыхнули ярче. Меня вновь прошило ощущение чужой близости.

– Не выйдет, охотница. Люди нас не привлекают.

– Из-за чего? – в моем голосе удивление.

– Не прикидывайся, будто не понимаешь. Все знают о подлости вашего племени.

Слова, сказанные тогда, у кабинета, и те, что прозвучали совсем недавно, перемешивались. Рождали новый разговор. И новые вопросы. Ко мне как к охотнице.

– Ты бредишь. Давай поговорим... Договори...

Звуки едва различимы за шумом крови в ушах. Я не могу! Не хочу видеть себя, призывно улыбающуюся врагу, прижи-

мающуюся к нему! Это все неправда!

Я – настоящая я, не из воспоминаний Берготта – трепыхаюсь, словно рыба в сетях; пытаюсь вырваться из омута чужих фантазий, но лишь сильнее запутываюсь.

– Чего ты хочешь? – эхом звучит в ушах.

Только не так, как было на самом деле. Вместо невозмутимости и спокойствия в моем тоне искушение.

– Чтобы ты убралась из Северных Гнезд, – а вот голос Берготта холоден. – Или мы можем пойти к Рроаку... Я открою ему свою память...

– Обойдусь!

– Тогда... Я отнесу тебя к перевалу. И даже не убью...

– Договорились.

Ладонь простреливает ощущение рукопожатия. Чувствую чужие пальцы, тоненькие и хрупкие. Моргаю – и вижу себя, избегающую по ступеням. Взгляд скользит по голым ногам и подпрыгивающей от каждого движения рубахе.

Я больше не могу видеть эту ложь, смешанную с правдой. Кричу, сжимаю веки до боли, отталкиваюсь изо всех сил – и отлетаю. Ноги скользят по снегу. Не могу удержать равновесие, падаю. Перед глазами все плывет. Тело потряхивает от пережитого.

– Ну как? Налюбовалась на себя, пламенноволосяя?

Я вскинула на дракона полный ярости взгляд.

– Лжец! Ничего этого не было и...

– Разве? Северные Гнезда слышали каждое из этих слов.

И каждое из ощущений я пережил. Возможно, в моей памяти все немного перемешалось... Но какая, в сущности, разница?

Вскочив на ноги, я двинулась на дракона.

– Я никогда не смотрела на тебя... так, – губы сами скрипились в презрении. К себе. К дракону.

Он не шевелился. Стоял скалой и не сводил с меня торжествующего взгляда.

– Иногда наши мысли настолько яркие, что и не понять – воспоминание то или выдумка.

Даже его голос зазвучал надменно, уверенно. Как у того, кто уже празднует победу.

– Мне плевать на твои фантазии! Можешь показывать парящим что угодно, в моей голове они не увидят этой глупости!

Я остановилась в нескольких шагах и прожгла Берготта взглядом. Кровь вновь вскипела. Вот только не от жара, заключенного в ловушку Рроака, а от ярости.

– Ошибаешься, – лениво отозвался дракон, а в следующий миг схватил меня за подбородок. Слишком быстро, чтобы я успела увернуться. – Ты не сможешь забыть увиденное. Оно задело тебя, вызвало эмоциональный отклик. И чем он сильнее, тем тяжелее стереть из разума чужие воспоминания. Ты же среагировала очень... – он наклонился ниже, – очень... – еще ниже, так, что его дыхание коснулось моих губ, – очень эмоционально. Если Рроак решит прочитать твою память, он

увидит именно это. Поэтому теперь тебе нужно постараться. Проявить всю изворотливость своего племени и убедить моего дорогого брата отменить суд парящих. Запомни, охотница: упаду я – упадешь и ты.

Я дернулась, вырывая подбородок из цепких пальцев, и отступила. Возражать не стала – боялась не сдержать ярости и наговорить лишнего. Или даже сделать что-то, что заставило бы Берготта отправиться к Рроаку прямо сейчас. Все, что я себе позволила, – сжать кулаки с такой силой, что ногти до крови впились в ладони.

Берготт дернул носом. Довольно усмехнулся и зашагал к выходу из проулка. Я сверлила взглядом широкую спину и чувствовала, как еще неясные идеи уже выстраивались в план действий.

Сыграть по твоим правилам, дракон? Ты плохо знаешь дочерей Ордена, раз считаешь, что мы сдаемся без боя.

Глава 6

В дом Рроака я вошла осторожно. Замерла у двери, прислушиваясь, выждала минуту и, лишь когда убедилась, что сверху тоже не доносится ни звука, с облегчением выдохнула. Кроме меня – никого. Прекрасно. В котле эмоций кипит слишком много раздражения и злобы, чтобы суметь их скрыть. Пальцы подрагивают, щеки горят – то ли от смущения, то ли от праведной ярости. Если бы мы сейчас столкнулись с Рроаком, он бы непременно заметил мое состояние и начал задавать вопросы. А ответов у меня пока нет.

Проходя к лестнице, невольно бросила взгляд в дальний конец коридора. Туда, где находится кабинет. В памяти тут же всплыли фантазии Берготта: я, прижатая к стене, и призывная улыбка на моем лице.

Проклятье! Надо поговорить с Рроаком. Может, если рассказать ему всю правду, он поймет? Поверит?

Надежда встрепенулась, точно воробышек, но тут же камнем рухнула вниз.

Вряд ли. Если бы чужак попытался обелить себя, свалив вину на моего собрата, я бы не поверила. Никто из охотников бы не поверил. Так как же быть? У кого спросить совета? Обычно в минуты сомнений я искала поддержки у старших сестер или праведных отцов. Однако в поселении драконов у меня сторонников нет. Гррахара приняла решение Рроака,

но явно с ним не согласна. А сам Рроак... Уф, я понятия не имею, как он ко мне относится и за кого принимает!

Так почему бы не спросить прямо?

Я остановилась и невидящим взглядом уставилась перед собой. А ведь правда – почему нет?

Поднявшись на второй этаж, я огляделась. Рядом с лестницей находится дверь, ведущая ко мне в комнату. У дальней стены – дверь в умывальню. А между ними... дверь в комнату Рроака? Или ее заняла я? Пока терялась в беспомыслии, не думала, где спит Рроак. Теперь же вдруг поняла: уже третью ночь мы проведем в соседних кроватях.

Отчего-то эта мысль взволновала. Даже странно. Когда я переступила порог этого дома, то не испытывала волнения. Опаску? Да. Недоверие к дракону? Снова да. А вот едва ощутимого трепета во мне точно не было. Что же изменилось?

Ответ на этот вопрос я искала до самого вечера. На улицу больше не выходила. Не из-за страха перед Берготтом: если захочет, он легко найдет меня и здесь. Скорее решила не дразнить драконов своим видом. Сегодня я часто ловила на себе их настороженные взгляды, замечала напряженные позы. Драконы не вставали ко мне спиной. И каждый раз, стоило мне оказаться поблизости, начинали рычать. У некоторых пальцы превращались в когти, по рукам других бежали алые сполохи – предвестники оборота.

Когда за окном окончательно стемнело, а выюга уже выводила протяжную песнь, вернулся Рроак. Хлопнул входной

дверью и шумно затопал, явно стряхивая снег с сапог.

Я выглянула из комнаты. Дождалась, когда он поднимется, и уточнила:

– Все в порядке?

Мне нужно поговорить с ним. Нужно! Но я не представляю, с чего начать.

– Да. Много дел с парящими, – Рроак устало потер переносицу, потом посмотрел мне в глаза и нахмурился: – Что-то случилось?

Я задрала голову, открыла рот, но не произнесла ни звука.

Невольно вспомнилось, как я стояла на ящике, чтобы оказаться вровень с Берготтом. С Рроаком высоты того ящика не хватило бы. Но почему-то именно с Рроаком наша разница в росте кажется неважной. Наоборот – в чем-то даже правильной.

Так не должно быть. Мы враги, волею богов оказавшиеся связанными. Но это временно. Когда моя кровь исцелится, Рроак вернет меня на перевал и тем самым исполнит принесенную клятву. И часть меня – та, для которой долг охотницы превышает всего, – требует убить его в момент прощания. Но уже сейчас я знаю, что не смогу.

Он спас меня. Дважды. И пусть за этим кроется личный интерес, именно рядом с Рроаком я вновь почувствовала себя нужной.

В Ордене нас не выделяют. Нет Кинары или Айкира – есть лишь охотники. Как говорят отцы, это дает нам чувство

причастности, цельности. Напоминает, что все мы – камни в фундаменте защитной стены вокруг Равьенской империи.

Рроак же заставил меня почувствовать себя особенной. Той, кому драконы решились открыть свои тайны. И единственное, чего я теперь боюсь, что все это окажется насмешкой. Хитрым ходом, чтобы усыпить мое внимание и заманить в ловушку.

– Нет, – я улыбнулась, – ничего не случилось. Просто... непривычно.

Рроак понимающе улыбнулся. На секунду задумался и протянул руку.

– Составишь мне компанию за бокалом аррахи? Напитком драконов, – пояснил он, поймав мой растерянный взгляд.

Колебалась я недолго. Вложила пальцы в широкую ладонь и позволила Рроаку увести меня вниз.

Мы разместились в креслах у зажженного камина. Рроак наполнил два невысоких фужера желтоватой жидкостью с ощутимым пряно-хвойным ароматом. Протянул мне один. Я с благодарностью приняла фужер и, дождавшись одобряющего кивка Рроака, пригубила напиток. Закашлялась.

– Осторожнее. – Рроак тихо рассмеялся. – Аррахи крепкая.

– Я заметила.

По горлу будто пронеслась огненная волна. Но, схлынув, она оставила после себя ощущение свежести и легкие покалывания на языке. Поддаваясь шальной мысли, я осторожно

провела кончиком языка по нижней губе. Теперь невидимые иголки принялись вытанцовывать и на ней. Я улыбнулась. Посмотрела на Рроака и замерла, заметив, как изменился его взгляд – стал темнее, внимательнее. Крылья тонкого носа затрепетали, будто дракон принюхивался.

– Осторожнее, – повторил он.

Рык в низком голосе прозвучал едва слышно, как первые раскаты грома вдалеке. Будто передразнивая, треск поленьев в камине стал громче.

Я кивнула, не сводя взгляда с Рроака. В груди почему-то стало горячо. Наверное, это все аррахи...

Некоторое время мы молчали. Оба словно не хотели нарушать тишину, опутавшую нас коконом. Уютным и колючим одновременно. Невозможное ощущение, дразнящее, провоцирующее. Но мы оба держались – только неотрывно смотрели друг на друга, будто опасаясь упустить из вида малейшую деталь.

– Ты доверяешь мне?

В первую секунду я даже не поняла, кто это сказал. Потом с удивлением узнала свой голос.

– Не больше, чем ты мне, охотница.

Охотница. Не Кинара.

По языку протянулась горечь. Я прищурилась и пригубила аррахи, стараясь перебить привкус. Снова закашлялась.

– А убить бы мог?

Взгляд Рроака полыхнул алым.

– Если пришлось бы? Да. Это мой народ, и я поклялся его защищать. Но и ты, охотница, могла бы убить меня. Точнее, – жесткие губы дрогнули в усмешке, – попытаться это сделать.

Я снова ощутила горечь. Вот только уже не на языке, а под сердцем. Криво улыбнулась, пытаясь казаться невозмутимой, и отвернулась к огню.

И на что я надеялась? Что между Берготтом и мной он выберет меня? Чужачку? Охотницу? Какая наивность! Какие бы цели Рроак ни преследовал, я лишь инструмент их достижения. Я не особенная. Все еще обычный камень, который, вырвав из основания одной стены, пытаются уложить в другую. Если Берготт откроет память, Рроак не поверит в мою невиновность.

Горечь стала ощутимее. Я прижала к груди кулак, с силой потеряла. Повернулась к Рроаку, собираясь узнать, как долго мне придется пробыть в Северных Гнездах, но слова вдруг застряли в горле.

Взгляд Рроака снова изменился. Стал... голодным? Не знаю. Раньше никто не смотрел на меня так. Воздух вдруг показался горячим. Я задышала чаще.

– Что?

– Твои косы, – даже голос дракона зазвучал иначе: ниже, но без рыка, а будто бархатно. – В свете огня они выглядят как горящие факелы.

Против воли я смутилась. В ушах зазвучали голоса Грра-

хары и Берготта.

– Пламенноволосяя, – повторила за ними.

Думала, это просто слово. Красивое описание, выбранное драконами. Но Рроак весь подобрался и подался вперед.

– Кто тебя так называл?

– Гррахара.

– И все?

– И все.

Говорить о Берготте не хотелось. Я опасалась, что Рроак отправится к нему и увидит его воспоминания. А я не готова. Не сейчас.

Рроак кивнул, не отрывая от меня взгляда. Медленно выпрямился, откинулся на мягкую спинку кресла. Еще секунды две над чем-то размышлял и залпом выпил остатки аррахи.

Я же, напротив, отставила фужер с напитком.

– Это не просто слово? Оно... особенное?

– Ты даже не представляешь насколько.

* * *

Рроак не спешил продолжать разговор. Он видел мой интерес, подмечал напряженную позу, но... молчал. Будто пытался что-то для себя решить.

Наконец, спустя минуты три, он заговорил:

– Цвет всегда был важен для драконов. По нему мы определяем уровень силы, близость дракона к огню и Первопред-

ку. У каждого из нас два имени. Первое дается при рождении. Второе – после первого оборота, когда проявляется зверь.

– А какое имя было у тебя раньше?

Наверняка стоило промолчать – дать Рроаку закончить рассказ. Но я просто не смогла сдержаться. Почему-то стало бесконечно важно узнать, как Рроака звали в детстве.

Он улыбнулся.

– Неандр.

– Рроак Неандр Ольдрайк?

– Ках Ольдрайк, – поправил он и пояснил: – Ках – это... мм... у людей, кажется, это называют титулом. Ках – высший.

Успокой свой народ...

Я оторопела. Так он действительно правитель? Поэтому Берготта ждет суд парящих за неповиновение? И Берготт хочет, чтобы я... переубедила правителя? Этот дракон вообще понимает, о чем просит?!

Рроак наблюдал за мной с видимым удовольствием. Легко читал по моему лицу и растерянность, и неверие, и сомнения – каждую эмоцию, которую я тщетно пыталась скрыть.

– Это ведь ты приказал Гррахаре меня переодеть? – вдруг догадалась я.

– Разумеется. Глаза выдают в тебе человека. Но хотя бы издалека ты должна напоминать нас. Я хочу, чтобы жители Гнезд видели в тебе не угрозу, а кого-то похожего. Ты инте-

ресна им.

Я фыркнула. Интересна? Дети сбегают от меня с криками, у взрослых при моем появлении пальцы превращаются в когти. Только Гррахара и Берготт не боятся ко мне приближаться. Первая явно делает это по приказу Рроака. Второй преследует собственные интересы.

– Пламенноволосяя. Драконы редко рождаются с таким цветом волос. Люди, насколько я знаю, тоже.

Губы сами искривились в кислой усмешке. Я бы хотела сдержать ее, правда. Но стоило только понять, что кому-то могут нравиться мои волосы, которые я ненавижу с детства...

– Непросто было?

– Нормально, – я с безразличием повела плечом.

Не стану я плакаться, рассказывая, как из-за проклятых волос меня обвинили в нападении дракона на деревню – мол, пламя притянуло пламя. Не стану жаловаться, как непросто было в Ордене; как братья и сестры отказывались принимать меченную огнем. Как до сих пор смеются над любой моей неудачей. Потому-то я и не отступила на перевале. Знала, что следовало это сделать – никто из охотников не погнался бы за драконом в такую непогоду, – но просто не могла повернуть назад. Только праведные отцы приняли меня такой, какая есть. И их я поклялась не разочаровывать.

– Как знаешь, – холодно отозвался Рроак.

Может, понял, что я недоговариваю. А может, ему не по-

правило мое пренебрежение особенным для драконов цветом. Сейчас это и не важно.

– А как давно рождался последний рыжеволосый дракон?

– Почти четыре поколения назад. Первопредок направлял к нам своих посланников, лишь когда грядут перемены. В этот раз, надеюсь, начало им положишь ты.

Я прищурилась.

– Поэтому ты пощадил меня на перевале? Не только из-за того, что я медлила?

– Да. Но уверяю, охотница: если бы ты не сомневалась, я бы тоже не дрогнул.

– Ты... – я на миг сбилась, но все же продолжила: – Ты уже убивал охотников?

Зеленые глаза вспыхнули алым. Черты лица заострились.

– А сама как думаешь? – Даже голос зазвучал иначе. Низко, с нескрываемым раздражением.

Я мотнула головой. Злилась при этом больше на себя, чем на Рроака.

Почему рядом с ним я забываю, кто мы? Дракон и человек – непримиримые враги. Встретиться мне тогда на перевале кто послабее, и я бы тоже окропила дайгенор кровью.

Мы оба убийцы. Просто мне помешали закончить начатое.

– Первопредок – наш покровитель, – снова заговорил Рроак, погасив внутренний огонь. – Божество, если говорить вашим языком. Огромный пламенный ящер, способный как

даровать жизнь, так и отнимать ее. Горная гряда – его хребет, острые пики скал – шипы. Равнины – это его крылья. Великий и могущественный, он царствовал в мире в полном одиночестве. Наблюдал, как появились люди, как стали обжигаться у его ног, но не воспротивился. Напротив – подарил людям огонь. В его честь складывали костры, в которых жгли ароматные травы, чтобы Первопредок, даже будучи далеко, почувствовал благодарность и преданность подножных. А потом Первопредок повстречал деву с волосами, как у тебя.

– Он украл ее?

Рроак тихо усмехнулся и качнул головой.

– Нет. Он поступил коварнее – завоевал ее сердце, увел к себе на вершины скал. Именно их дети стали первыми драконами, способными менять облик.

– Подожди, – я нахмурилась. – Ты хочешь сказать, что драконы и люди... могут быть вместе? Как пара?

– Разумеется, – Рроак улыбнулся, отставил фужер с аррахи и поднялся из кресла. – Нужно лишь побороть ненависть, что удерживает врагов на расстоянии. И тогда возможно всё, – закончил он тише и шагнул ко мне.

Я вжалась в спинку кресла и напряженно застыла, будто кролик перед удавом. Гордость охотницы, воспитанные в Ордене рефлексy – все вмиг забылось. Я ощущала себя бесконечно уязвимой и открытой перед силой этого дракона. Смотрела, как он приближается, и чего-то... ждала? Не знаю.

Когда Рроак оказался рядом, я сглотнула. В нос забился аромат нагретого солнцем дерева, пряных трав и совсем немного – костра. Не думая, я задышала глубже. Сердце забилось о грудную клетку, словно птица, пойманная в силки, – все норовило вырваться. Стоило Рроаку наклониться, и птичка затрепыхалась изо всех сил.

– Хватит, охотница, – произнес он тихо, касаясь дыханием моей кожи. – На сегодня хватит...

Я растерянно моргнула, и он пояснил:

– Аррахи крепкая. Выпьешь еще немного, и мне придется нести тебя в спальню.

Рроак явно говорил о том, что случится, если перебрать с алкоголем. Но в моей голове смысл слов исказился. Стало жарко. Захотелось отвернуться, опустить взгляд или хотя бы зажмуриться – сделать что угодно, но скрыть эту неподобающую для охотницы слабость. Однако я не пошевелилась. Так и смотрела в зеленые глаза с едва заметными алыми сполохами в самой глубине.

Рроак усмехнулся. Не отводя взгляда, потянулся забрать мой фужер. Накрыл мои пальцы своими и снова усмехнулся, стоило мне вздрогнуть.

– Отдыхай, охотница.

Одним плавным движением он отстранился. Отставил фужеры, плотно заткнул пробкой бутылку и зашагал к лестнице. Держался уверенно, расслабленно – так, будто ничего необычного не произошло. Будто его сердце не забилось

быстрее. Я же такой выдержкой похвастать не могла. Сидела как заколдованная и все смотрела перед собой.

Это неправильно... Неправильно! Я охотница. Дочь Ордена, на дайгеноре поклявшаяся уничтожать чудовищ. И я ни за что не проиграю дракону.

Стоило воскресить в памяти лица праведных отцов, смятение отступило. Даже метель в душе – почти такая же сильная, как та, что ярилась за окном, – успокоилась. Я поднялась с кресла и твердой походкой отправилась к себе. Там принялась выискивать в сундуке ночью сорочку. Точно помню, что Гррахара оставляла ее вместе с халатом. Но где?

В приглушенном свете ламп все вещи выглядели одинаково. Пришлось встать на колени и едва ли не носом зарыться в нутро сундука, чтобы отыскать желаемое. Найдя нужную вещь, я выскочила в коридор.

Первый полноценный день в Северных Гнездах выжал меня, как Найра – кухонное полотенце, случайно упавшее в чан с водой. Скрутил почти до хруста и встряхнул что есть мочи.

Я не готова к открывшемуся миру драконов. Не готова к их страхам и сомнениям, когда с трудом борюсь с собственными. Я хочу от них спрятаться. Пусть ненадолго, под струями зачарованного ливня, но спрятаться. Позволить воде вместе с потом и грязью смыть усталость. Отвоевать у этого дня хоть немного спокойствия.

У двери в мыльню я остановилась. Шумно выдохнула, пытаясь оставить часть напряжения еще у порога, и ухватилась

за ручку. Однако не успела потянуть за нее, как дверь резко распахнулась. Я отскочила. Действуя на рефлекс, встала в боевую стойку и выставила руку вперед. Только вместо привычного дайгенора пальцы сжали белую сорочку.

– Спасибо, Кинара, у меня есть в чем спать.

Голос Рроака прозвучал спокойно – так, будто я каждый вечер выскакиваю из-за угла с сорочкой наперевес. И лишь подрагивающие уголки губ выдавали, что дракон с трудом сдерживает смех.

Я прищурилась. Выпрямилась, опустила руки и посмотрела на дракона с такой же смесью уверенности и достоинства. Точнее, попыталась это сделать. Стоило взгляду скользнуть ниже, и щеки запылали.

Рроак был в одних штанах, сидящих низко на бедрах. Свободная ткань в некоторых местах прилипла к телу, обрисовав контуры ног. Ни рубашки, ни жилетки. Влажная кожа едва заметно поблескивает в приглушенном свете ламп. В отличие от братьев по дайгенору, у Рроака волос на теле почти нет. Только от пупка к краю штанов спускается темная дорожка.

Во рту пересохло.

Я уже видела Рроака обнаженным по пояс. Но полубоком, в свете костра, подглядывая из-под ресниц. Сейчас же я бесстыдно рассматривала его, стоящего прямо передо мной. Причем так близко, что протяни руку – и коснешься. Стоило об этом подумать, подушечки пальцев закололо от жела-

ния дотронуться. Щеки нагрелись сильнее. Жар от них спустился ниже – к шее, к груди, скрутился там жгутом и юркой змеей скользнул еще ниже.

Проклятье!

Это неправильно! Неправильно!

Отвесив себе мысленную оплеуху, я спешно обогнула Рроака и закрылась в умывальне. Задвинула засов, быстро скинула вещи и прыгнула под зачарованный ливень. Щеки пылали. Тело пылало. Сама душа и та полыхала в огне то ли смущения, то ли какого-то другого, незнакомого чувства.

Великие боги! Я не имею права ему поддаваться. Я должна выстоять. Во имя принесенных клятв, во имя долга охотницы!

Схватив жесткую мочалку, принялась тереть себя с такой яростью, будто вместе с кожей можно содрать сомнения. Однако я не преуспела ни в одном из этих действий – лишь расцарапала тело до красноты.

Спустя четверть часа я выбралась из лохани. Обтерлась сухом, оделась и на цыпочках прокралась в свою комнату. Загасила свет, легла в кровать, попыталась уснуть... Однако мысли не отпускали. Полночи я проворочалась без сна, вспоминая то лицо Рроака, находящееся так близко к моему; то слова Гррахары о его слабости; то фантазии Берготта, которые Рроак может увидеть, если я не придумаю, как отменить грядущий суд.

Неудивительно, что утром я проснулась разбитой. Зевая

во весь рот, выбралась из кровати, оделась. Заплела волосы в две косы и даже перевила их цветными ремешками. Теперь, зная, почему Рроак захотел меня переодеть, я не стану противиться. Перемены пугают – мне ли этого не понимать! И если такой мелочью, как правильная одежда и прическа, можно помочь драконам Северных Гнезд принять меня, я это сделаю.

Придерживая подол платья, я спустилась в гостиную. Ожидала увидеть там Рроака, но вместо него на диване сидела Гррахара. На столе перед ней замерли тряпичные свертки; в небольших кармашках находились пузырьки и палочки с темными кончиками, какие-то стеклышки, угольки.

– Что это? – спросила я вместо приветствия.

Гррахара подняла на меня хмурый взгляд.

– То, что может разозлить драконов еще больше. Но раз Рроак настаивает... – она недовольно поджала губы, – я сделаю это. Надеюсь, ты стоишь риска, на который Рроак готов пойти ради тебя.

Глава 7

Я с опаской приблизилась.

– Почему это может разозлить драконов?

– Садись, охотница. Закатай левый рукав платья. А я пока все расскажу, – Гррахара вздохнула.

Сухие узловатые пальцы споро вынимали из тряпичных кармашков пузырьки и палочки. Стоило откупорить первую же бутылочку, и в воздухе запахло чем-то сладким.

– Кровь Рроака в тебе чую лишь я.

– Почему?

– Потому что старая и талантливая, – хмыкнула Гррахара, глянув на меня украдкой. Однако уже через мгновение заговорила хмуро, с нескрываемым неодобрением: – Мы не делимся кровью с чужаками. Даже со своими редко. Это... слишком личное.

Она поджала губы. Помолчала недолго и продолжила:

– Обычно так поступают, когда хотят связать судьбы. В какой-то мере между тобой и Рроаком именно это и произошло: он связан с тобой клятвой, ты с ним – кровью. Сам Первопредок вынуждает вас быть вместе. Пока никто об этом не знает, кроме меня и Берготта. Но теперь...

Обмакнув палочку в алую жидкость, она чиркнула мокрым кончиком по угольку. Вздохнула тяжело и снова посмотрела на меня. На этот раз пристально, будто выискивая на

моем лице ответ на вопрос, который так и не осмелилась задать.

– Теперь о вашей связи узнают все. Каждый дракон Северных Гнезд почувствует, что ты принадлежишь Рроаку. А он, – Гррахара поморщилась, – принадлежит тебе.

– Принадлежит? – повторила я растерянно. И тут же вскрикнула, когда меня укололи окрашенным концом палочки. – Что вы творите?

– Терпи, охотница. Так надо. И не дергайся ты! Больнее будет.

За первым уколом последовал еще один. Потом еще. И еще. Я морщилась, шипела, пыталась высвободить руку из цепких пальцев и вскрикивала.

– Расслабься, охотница!

Гррахара действовала уверенно. Обмакивала палочку то в один пузырек, то в другой, терла об угольки, укалывала и снова опускала острый кончик в цветную жидкость. Иногда останавливалась и стирала с кожи выступившие капли крови.

– А Рроаку вы тоже сделаете... такое? Ай!

– Уже, – буркнула Гррахара, не поднимая головы. Потом все же посмотрела на меня и добавила, не скрывая усмешки: – Ты долго спишь, охотница. Видимо, в вашем Ордене не принято просыпаться на рассвете.

Я вскинулась. Хотела было вскочить, но Гррахара удержала меня на месте. Пусть драконица и выглядит старой, сил в

ней явно побольше, чем в любом из братьев Ордена.

— Мы тоже встаем с первыми лучами! Без понятия, почему здесь все изменилось, но охотники не лежебоки!

— Знаю. В Гнездах ты чувствуешь себя не так, как на равнинах: все же воздух тут другой, да и небо давит меньше.

Я прищурилась:

— То есть вы все понимаете, но продолжаете смеяться надо мной?

— Разумеется, — старуха кивнула и широко улыбнулась. — Должна у меня остаться хоть какая-то радость? Брось, охотница. Не стоит топорщить шипы на каждый выпад. Да, ты среди тех, кого привыкла видеть врагами. Но узрей и другое — мы не желаем тебе зла.

Перед мысленным взором встало лицо Берготта. В ушах далеким эхом прозвучали его угрозы.

Не желают зла? Вот уж не сказала бы!

Однако вслух возражать не стала. Вместо этого взглянула на свое запястье. Каждый укол палочки впечатывал в кожу цвет, рождая рисунок. Еще непонятный, но уже вызывающий интерес.

— Что это будет?

— Крыло Первопредка. Левое у тебя, правое у Рроака. Вы нужны друг другу так же, как оба крыла нужны дракону для полета.

— А как об этом узнают остальные жители Северных Гнезд? Рисунок ведь будет скрыт под одеждой.

– Не всегда. Если ты закатаешь рукава, его увидят. Но, в отличие от людей, для нас зрение не главный орган чувств. Обоняние, – крючковатый палец коснулся кончика моего носа, – вот чему дракон доверяет больше всего. А у этих красок есть запах. Особенный, который используется только для таких рисунков. У каждой пары цвет свой. У вас – красный с золотом, как у ящера Рроака. Сильные цвета – сильные запахи. Никто не ошибется. Никто, – повторила Гррахара со вздохом.

Я всмотрелась в морщинистое лицо. И впервые увидела на нем не только недовольство, но и... страх?

– Чего вы боитесь?

– Тебя, охотница. Людские сердца слишком ненадежны, а память слишком коротка. Связать себя с человеком – дикость для любого из драконов. Для Рроака же это почти безумие. Но он пошел на это. Ради тебя.

– Почему?

На этот раз Гррахара не спешила с ответом. Наносила палочкой рисунок и все бросала на меня задумчивые взгляды. Наконец, когда я уже решила, что она не ответит, драконица заговорила:

– Пламенноволосяя притягивает внимание. Переодев тебя в наши одежды, Рроак надеялся помочь своему народу примириться с присутствием человека. Но некоторых это ввело в искушение...

– Например, Берготта?

– Например, его, – кивнула Гррахара. – Он хороший дракон. Верный сын Северных Гнезд. Но он... давно укрыт тенью. И эта тень тяготит его. Боюсь, он может решиться на глупость. Поэтому, пожалуйста, держись от него подальше. Не искушай Берготта пламенем своих волос.

Гррахара посмотрела с такой искренней просьбой, почти мольбой, что я не посмела возразить. Но мысленно костерила Берготта на чем свет стоит.

Что это за дракон вообще? Почему он не может оставить меня в покое? Сначала его долг перед Гнездами свел нас вместе. Потом гнев Рроака испугал его и зародил нелепую уверенность, что мне по силам отменить грядущий суд. А теперь еще и это?!

Проклятье!

Как я должна действовать, чтобы не ошибиться и не запутаться в порядках драконов? Как понять, кого слушать? Рроака? Гррахару? Себя? А если я сама не знаю, что делать, – как быть тогда?

Если Гррахара поделилась с Рроаком переживаниями насчет Берготта и его интереса ко мне, станет невозможно убедить Рроака отменить суд, не вызвав при этом подозрения. Почему вообще эти драконы решили скинуть свои проблемы на плечи охотницы, не прошедшей нового рождения?

Гнев и растерянность полыхали в душе, словно поленья, объятые пламенем. Я с трудом дождалась, когда Гррахара закончит рисунок. Едва она обмотала мое запястье чистой по-

вязкой и вернула манжету на место, я выскочила на улицу. Даже жилетку не застегнула.

Плевать на непогоду, на холод, покусывающий за щеки, и на ветер, треплющий мои косы. Я просто хочу убраться отсюда. Пусть не обратно в Орден, но хотя бы дойти до края Северных Гнезд – до границы очерченной Рроаком территории, где моя кровь остается спокойной.

Удивительно, но на улицах было шумно. Судя по всему, непогода в горах не редкость и драконы давно к ней привыкли. Я шла, не обращая внимания на их взгляды. Пальцы от напряжения то сжимались в кулаки, то расслаблялись, чтобы тут же сжаться еще сильнее.

Перейдя пятый по счету мост, я остановилась. Огляделась и устало опустилась на скамейку. Подставила лицо ветру и мелкому снегу, закрыла глаза.

Почему я так боюсь, что Берготт откроет Рроаку память? Потому что меня посчитают шпионкой? Или потому, что не хочу, чтобы Рроак увидел грязные фантазии своего двоюродного брата? Не знаю. Но надеюсь выяснить это уже скоро.

* * *

Детский смех прозвучал неожиданно близко. Я открыла глаза, огляделась и почти сразу заметила их – драконят, которых вчера испугнула на игровой площадке. Они бежали, хохоча и шикая друг на друга, словно заговорщики. Явно

ведь задумали какую-то шалость!

Ноги сами понесли меня следом. Нет, я помню требование Рроака – держаться от детей подальше – и не собираюсь нарушать данное слово. Но хочется понаблюдать за ними хотя бы издали. Почувствовать их радость и беззаботность, отвлечься. Никто не узнает, что я пошла за ними. Я все-таки охотница и умею оставаться незамеченной.

Мысленно я проговаривала эти слова снова и снова, убеждая себя, успокаивая совесть. И совсем скоро перестала чувствовать ее уколы.

Я петляла за детьми, отставая почти на улицу – так, чтобы они не заметили моего присутствия. Куда мы шли, не задумывалась: вряд ли дети покинут Северные Гнезда. А значит, переживать не о чем.

Мы миновали еще два моста. Проплутали узкими переулками, обогнули пик скалы и оказались в горной чаше, скрытой от ветров высокими каменными боками. Непогода тут почти не ощущалась. Метель превратилась в слабый снегопад.

Дети кинулись к старому, заметно покосившемуся от времени дому с черными проемами вместо окон. В крыше видны прорехи, стены изрезаны трещинами, а у крыльца не хватает перил. И все же, глядя на дом, я улыбнулась – вспомнила, как давным-давно, еще в детстве, вместе с сестрами и братьями по дайгенору лазила в заброшенное крыло цитадели.

Отцы каждый раз ругались, поймав нас за опасным делом. Напоминали, что неспроста двери заколочены, а окна крест-накрест забиты досками. Но разве ж нас это останавливало? Словно мышата, мы пробирались через щели, а потом учились двигаться бесшумно, как истинные охотники. Когда кто-нибудь оступался и с грохотом падал, задевая старые тумбы или поломанные стулья, все мы хохотали. Причем так громко, будто вмиг забывали, что собирались не издавать ни звука. Переставали притворяться воинами и становились теми, кем и являлись – детьми, которым еще рано взрослеть.

В груди болезненно заныло.

У драконов, получается, даже шалости как у нас? Так в чем тогда наше отличие? Неужели все эти годы мы убивали не диких зверей, а кого-то очень на нас похожих?

Сколько себя помню, я гордилась тем, что отцы выбрали меня. Назвали охотницей, вручили дайгенор, дали цель в жизни. А теперь... теперь я не понимаю, на чьей стороне правда. И есть ли она вообще, эта правда?

Я проводила детей долгим взглядом, дождалась, пока они скроются в доме, и лишь после этого осторожно перешла к большому валуну. За ним меня не видно, но сам он стоит довольно близко к дому. Если прислушаться, можно даже уловить отголоски чужого веселья.

Детей не было долго. Устав стоять, я опустилась на снег, подтянула колени к груди и уткнулась в них подбородком. Спряталась меж свесившимися косами от мира и собствен-

ных сомнений. Их слишком много в последние дни. И они слишком тяжелые, чтобы совладать с ними мгновенно.

Не знаю, сколько я так просидела. В себя пришла от громкого визга – уже совсем не веселого. Вскочила на ноги и выглянула из-за валуна.

Дом загорелся, будто тюк соломы от упавшей искры. Заполыхал в один миг, загудел яростным пламенем и затрещал старым деревом. Дети выбегали, толкаясь и крича; жилетки некоторых дымились. Их стягивали, бросали на снег, топтали. И все оборачивались ко входу.

Почему дети не убегают подальше? Дом же старый, от такого пламени он может обрушиться в любой миг. Стоять так близко – опасно. Неужели они не понимают?

Или...

Великие боги! Неужели выбежали не все?

Сколько их зашло в дом? Девять? Десять? Не помню!

Я рывком обернулась. Каменная чаша надежно укрывает это место от ветра и непогоды, но из-за нее же драконы не сразу увидят дым. А когда они прилетят, уже может быть слишком поздно. Боги, что делать? Я не могу бездействовать! Но Рроак запретил приближаться к детям...

Грохот, с которым обрушилась часть крыши, отозвался во мне дрожью. Вспомнилось, как падала другая крыша, пожираемая огнем. И как я задыхалась от дыма и гари. Как металась, ничего не видя, как спотыкалась и падала.

Нет. Я не обреку детей на то же самое.

Мысли пронеслись стремительно, за один удар сердца. Я выбежала из своего укрытия.

Плевать, что подумает Рроак! Плевать, что я человек, а они – драконы. Сейчас они лишь дети в ловушке огня. И я не оставлю их.

Я оказалась рядом с детьми в секунду.

– Кто остался внутри? Сколько?

Они молчали. Глядели на меня с испугом, вцепились друг в друга, но не убегали. Видимо, не хотели оставлять своего.

– Сколько?! – прикрикнула я.

Сейчас нет времени быть с ними мягкой. Каждая секунда на счету.

– Один, – буркнула темноволосая девочка.

Стоящий рядом мальчик ткнул ее локтем в бок, будто напоминая, что с человеком разговаривать не следует. Но девочка лишь шикнула на него и снова посмотрела на меня.

– Молчун не говорит. Вы не услышите его криков. Он либо выйдет сам, либо...

Я не дослушала. Что бы она ни собиралась сказать, это уже неважно. Молчун либо выйдет сам, либо я его вынесу. Только так. Другой правды у этой истории быть не может. Я не позволю ребенку погибнуть в огне.

Сердце билось где-то в горле. Давний страх подкрался со спины, скользнул холодными руками мне на грудь. Обнял, будто возлюбленный, и крепко сжал, как бессердечный мучитель.

Я на бегу сорвала повязку, которой Гррахара перемотала рисунок, наклонилась, зачерпнула снега и сжала в кулаке. Этого не хватит, чтобы пропитать ткань, но все же лучше, чем ничего.

– Молчун! – выкрикнула я, забегая в облако дыма.

Закашлялась, прижала влажную повязку к носу и рту.

– Молчун! Постучи! Урони что-нибудь! Дай понять, где искать тебя!

Я не знаю планировку дома. Но если предположить, что все драконьи дома похожи, то сейчас я в гостиной. А дети, скорее всего, были на втором этаже. По крайней мере, мы, будучи маленькими, всегда стремились забраться повыше. Боги, пусть в этом мы с драконами тоже окажемся похожи!

Пошатываясь и отмахиваясь от дыма, я поспешила к лестнице. Сзади что-то грохнуло. Слева обжигающим языком взметнулось пламя. Я закричала – уже не в попытках дозваться ребенка, а от страха. Почти забытый, он креп с каждой секундой. Заставлял ощущать себя не взрослой охотницей, а напуганной девочкой.

– Молчун!

Я закашлялась. Тряпка высохла, перестала спасать от дыма.

– Молчун!

Вход в первую комнату закрывала дверь. Ручка наверняка давно раскалилась. Пришлось навалиться плечом. Потом еще раз и еще. Проклятые драконьи двери! Почему они та-

кие крепкие?! Или ее перекосило от жара?

Зажмурившись, я кинулась на дверь в четвертый раз. Не устояла на ногах, когда та рывком распахнулась, и упала. Почти прижалась носом к полу, попыталась разобрать очертания предметов – понять, есть ли среди них силуэт ребенка.

– Молчун!!!

В соседней комнате что-то грохнуло. Не знаю, упала ли балка, или это был ответ на мой зов, но я поспешила туда. Выбежала в коридор. Закричала, уворачиваясь от падающих кусков крыши. Влетела во вторую комнату и вдруг сразу поняла, где он. Под шкафом. Тяжеленная махина опрокинулась и накрыла собой ребенка. Боги, прошу, пусть с ним все будет в порядке!

– Держись, я рядом!

Откинув тряпку, обеими руками вцепилась в край шкафа и попыталась перевернуть его. Кожа горела от жара. Дым забивался в грудь, щипал глаза. Страх пожирал душу. Кажется, я заплакала. Не знаю. Возможно, всему причиной сильная резь в глазах. А может, то были слезы отчаяния.

По языку протянулся металлический привкус – это побежала кровь из прокушенной губы. Мышцы тянуло. Ноги подрагивали. Все нутро скрутило узлом.

Ну же! Ну давай!

Я не смогла полностью поднять шкаф – только оторвать его от пола. Но этого хватило, чтобы оттуда, отталкиваясь локтями и кашляя, вылез мальчик. Даже беглого осмотра

хватило, чтобы понять: правая нога сломана. Не знаю уж, из-за дверцы или еще чего – это мы выясним потом. Сейчас надо выбираться.

Когда Молчун вылез полностью, я разжала пальцы, и шкаф с грохотом упал. С потолка сорвалось несколько горящих деревяшек. Одна упала мне на ногу. Я вскрикнула, сбросила ее, откуда-то найдя силы, и повернулась к Молчуну.

– Ты должен держаться за меня изо всех сил! – выкрикнула, стараясь, чтобы он расслышал меня за ревом пламени.

Не дожидаясь кивка, подхватила ребенка, прижала к себе, накрыв его голову рукой, и побежала к выходу. Молчун обнял меня за шею, уткнулся в нее носом. Здоровую ногу закинул мне на талию, тоже пытаюсь держаться.

Я не оглядывалась. Даже когда грохот за спиной стал почти оглушающим, продолжила бежать, смотря только вперед, уворачиваясь от вспышек пламени и падающих кусков дерева. Мы почти добрались до выхода, как вдруг прямо перед нами с протяжным треском упала горящая балка. Я взвизгнула, отскочила и стала судорожно озираться.

Окно! Тут должно быть окно! Кажется, вон там.

Не раздумывая кинулась к проему. Чуть не заплакала, поняв, что не ошиблась. И замерла, оказавшись рядом.

Окно слишком маленькое для взрослого человека. А сейчас еще и раскаленное, я не пролезу точно. Но Молчуна вытолкнуть смогу.

– Отпускай меня, – приказала я. – Отпускай! – прикрикнула, не дождавшись от мальчишки реакции. – Молчун, не бойся, все будет в порядке. Ты пролезешь в окно, окажешься в безопасности. Ну же!

Однако, вместо того чтобы отпустить, мальчик вцепился в меня еще сильнее.

– Молчун! – я почти заплакала от отчаяния.

Он мотнул головой. Всего раз, но очень уверенно. И сжал руки на моей шее, почти душа.

– Да что же ты творишь?!

Поняв, что страх не дает ему отцепиться от меня, снова кинулась к выходу. Может, получится обойти ту балку? Вдруг за дымом и пламенем я не увидела прохода?

Новый грохот заставил испуганно вздрогнуть и метнуться в сторону – подумала, еще одна балка вот-вот обрушится. Но тут услышала приказ:

– Кинара! Сюда!

Рроак! Рроак здесь!

Я кинулась на его голос, как мотылек на свет. В несколько ударов сердца добежала до проломленной в стене дыры и прыгнула. Вот так – не думая, не спрашивая, не сомневаясь. Просто прыгнула навстречу, зная: он поймает.

И он поймал.

Глава 8

Рроак на мгновение сжал нас с Молчуном в объятиях и опустил на снег.

– У него нога сломана. Точно не знаю. Надо проверить. Это к Гррахаре? Или у вас есть лекарь? А он быстро придет? Или прилетит? Надо увериться, что пострадала только нога. А в Гнездах пекут сладкие пироги для заболевших? У нас вот пекут...

Я тараторила почти без умолку, выплескивая ужас пережитого. Гладила по голове Молчуна, обнимающего меня все так же крепко. И смотрела на Рроака. Зеленые глаза стали почти красными от плещущегося в их глубине огня. Черты лица заострились, на скулах проступили желваки.

Он зол. Проклятье, как же он зол! Ведь запрещал мне приближаться к детям. А я... А я... А я ни о чем не жалею! И кинулась бы в этот горящий дом снова!

Отвечая мыслям, я невольно обняла Молчуна крепче, а он с готовностью вцепился в меня. Рроак заметил наше движение. Рыкнул с явным недовольством и опустил на корточки.

Теперь наши лица оказались почти вровень.

Я напряглась. Сейчас точно начнет отчитывать. Берготта за неповиновение ждет суд и отлучение от парящих. А меня – чужачку, охотницу? Какое наказание он уготовит мне?

Неважно. Приму любое.

Я стиснула губы и хмуро уставилась в алые глаза Рроака. Он молчал. Почти минуту мучил меня ожиданием. Заставлял мысленно переживать кары, одна страшнее другой, глотать от шума крови в ушах и...

– Сильно испугалась?

Тихий голос самым невозможным образом прозвучал громче удара молнии. Я моргнула дважды, не понимая, не шутка ли это, и нахмурилась.

– Ты дрожишь.

– Это запал битвы!.. Точнее, пережитого и... и я... я в порядке! – ответила поспешно, сбивчиво.

Не хочу, чтобы он видел мой страх, чтобы считал слабой. Я охотница! Я не уступлю ему!

Рядом приземлился серебристо-белый дракон. Вспыхнул огнем – и обернулся человеком.

– Ах вы подхвостыши мелкие! – Гррахара затрясла кулаком на детей, сбившихся в кучку, словно воронята в гнезде. – Я вам говорила не соваться сюда? Говорила? А вы?! Хотите сдерживающие оборот письма?

Дети тут же заголосили. Принялись заверять, что они ничего плохого не хотели, и вообще дом выглядел крепким-крепким, а Молчун ни знаком, ни жестом не дал понять, что вот-вот обернется. И если бы не он, то ничего бы не случилось. Клятвенно заверяли, что больше и близко не подойдут к каменной чаше и...

– И еще хоть раз я увижу вас рядом с заброшенными домами – письменами обзаведетесь аж на две зимы! – буйствовала Гррахара. – Вам это ясно?!

На сей раз дети ответили молча – закивали так старательно, что казалось, еще чуть-чуть – и тонкие шейки переломятся.

Наконец Гррахара подошла к нам. Хмуро осмотрела Проака, меня, потом остановилась взглядом на ноге Молчуна.

– Отпускай его, Кинара, – вздохнула она, приседая.

Я же не смогла сдержать удивления. Кинара? Не охотница?

Руки разжались. Будто очнувшись, я ощутила, как сильно ноют мышцы и печет кожу на лопатке слева. Проак попытался снять с меня Молчуна, но тот упрямо держался. Не закричал, не засопел – только задышал чаще, явно от натуги.

Я растерянно посмотрела на Проака. Увидела неверие в его взгляде, но почти сразу оно исчезло, уступив место решительности.

– Отпусти немедленно, – приказал он холодно.

Не попросил – приказал. И Молчун тут же перестал хвататься за мою шею. Только взглядом серых, словно горы, глаз цеплялся за мой взгляд. Русые волосы растрепались, лицо покрыла сажа. Сам маленький, худой. Сколько ему?

– Шесть, – хмуро отозвался Проак, стоило задать последний вопрос вслух.

Шесть... И не говорит. Даже не заплакал из-за сломанной

ноги. Сам выполз из-под шкафа. Отказался уходить один. И держался так крепко, изо всех сил...

Глаза защипало.

Не понимая до конца, что и почему делаю, я потянулась следом. В серых глазах промелькнула тень – будто Молчун на секунду усомнился, а потом он задержался, попытался вырваться из крепкой хватки Рроака. И смотрел... смотрел с таким отчаянием, что я не выдержала:

– Рроак, пожалуйста, – взмолилась, наплевав на гордость охотницы. – Я... я...

Что – я? Боги, что я творю? О чем хочу попросить? Не знаю. Только чувствую, что не могу отпустить этого ребенка.

– Ты должна держать себя в руках, Кинара, – жестко осадил Рроак. – Обещание, которое ты мне дала, помнишь? – Я закусила губу, соленую от крови, и кивнула. – Вот и не забывай. А ты успокойся! – еще жестче потребовал он от Молчуна.

Тот вмиг притих. Бросил на Рроака упрямый взгляд и снова повернулся ко мне. Я кивнула.

Рроак прав. Мне нельзя становиться хорошей для этого ребенка. Но что гораздо важнее – я не имею права привязываться к нему. Нужно сейчас, пока еще можно, задушить ростки этого неправильного для охотницы чувства.

И все же, когда Рроак передал Молчуна Гррахаре, а та, отойдя на несколько шагов, обернулась драконом и бережно понесла мальчика в лапах, я не смогла отвести от него взгля-

да. Все во мне тянулось следом, стремилось оторваться от земли и тенью полететь за ними. Остаться рядом.

Рроак вновь оказался совсем близко. Присел, принялся осторожно осматривать мою лопатку и ногу, на которую упал горящий кусок крыши. Не знаю точно, я не обратила внимания – все всматривалась в небо, тщетно надеясь сквозь падающий снег различить бело-серебристого дракона Гррахары.

– С ним все будет в порядке. Гррахи и не такие переломы лечила.

Я кивнула. Кожу жег взгляд Рроака, но я не повернулась, чтобы встретить его. Просто не могла. Возможно, эмоции после пережитого еще не схлынули и поэтому Молчун стал для меня вдруг так важен? Я не знаю, в чем причина. Но сейчас и не хочу ее знать.

– Подожди несколько минут. Я закончу с детьми и займусь тобой.

Рроак поднялся и тяжелой поступью направился к драконам.

– П-простите, кахррар, – первым пискнул мальчик, который в свое время тыкал девочку локтем в бок. – Мы правда не специально.

– Не специально что? – Рроак скрестил руки на груди. – Не специально ослушались Гррахару? Не специально полезли в заброшенный дом? Или... – он прищурился, – не специально свалили всю вину на Молчуна?

Дети смотрели на Рроака с одинаково повинным выраже-

нием лиц.

– Но ведь Молчун правда не дал нам знать, что вот-вот обернется! Он сам виноват! Вот пусть и отвечает.

– Вообще-то он показывал на грудь, тер ее... – вспомнила девочка, которая первой заговорила со мной.

– Ну и что! – тут же взвился мальчишка и снова попытался ткнуть в подругу локтем. На этот раз она увернулась. – Может, у него просто шнуровка на рубаше мешала или еще что...

– Агрей, – холодно оборвал его Рроак. – Кто вы?

– Драконы.

– Стая, – тихо подсказала девочка. – Крылья и шипы друг друга.

– Именно, Тира. И если вы сейчас не научитесь понимать друг друга, а что важнее, – Рроак внимательно посмотрел на Агрея, – защищать друг друга, то вам не стать истинными парящими. Это понятно? – Дети снова закивали. – Хорошо. Вы послушались Гррахару – значит, и наказание для вас выберет она. Для всех вас, – подчеркнул он, стоило Агрею открыть рот. – А теперь живо домой.

Дважды повторять не пришлось. Едва получив разрешение, дети сорвались с места и бегом кинулись к выходу из каменной чаши.

Я проводила их взглядом, потом повернулась к Рроаку:

– Парящие – это камни в защитной стене Северных Гнезд?

Неужели здесь тоже, как в Ордене, обезличивают, даря за

это ощущение единства?

– Нет, Кинара. Парящие – это наша опора и будущее. Каждый из них бесконечно ценен. Им надо научиться доверять друг другу, быть готовыми прикрыть спину или подставить крыло. Когда-нибудь может оказаться так, что им не на кого будет рассчитывать.

– Но почему?

Рроак повернулся и посмотрел туда, где еще недавно стояли дети.

– Их мало... Всего шестнадцать, считая тех, что еще слишком малы, чтобы ходить самостоятельно. А к моменту, когда им придет час пролететь под солнцем, возможно, их будет и того меньше.

– Почему? – повторила я растерянно.

Рроак поймал мой взгляд. Секунды две или три медлил, будто решаясь, стоит ли отвечать.

– Потому что мы вымираем, Кинара.

* * *

В первое мгновение показалось, что я ослышалась. Как это – вымирают? Отцы всегда твердят, что драконово племя расплодилось, как тараканы. Что их потому и надо убивать – не только ради защиты поселений, но и чтобы сдерживать опасный рост.

– Наши дети рождаются нечасто. Сам Первопредок не да-

ет нам завести следующего ребенка, пока первый не достигнет оборота. А у всех это разный возраст. У Молчуна оборот случился рано. Очень рано. Обычно это происходит к одиннадцати-двенадцати годам. И не всегда к тому моменту оба родителя остаются в живых. Драконов мало, Кинара, а охотников слишком много.

– Ты поэтому решил открыть людям вашу тайну?

– Да. Надеюсь, для нас еще не все потеряно.

– Но почему вы не открылись раньше?

– Потому что предыдущий кахррар ненавидел ваше племя, как и все кахррары до него.

– А ты?

– Тоже ненавижу, – Рроак пожал плечами. – Но свой народ люблю больше.

Я нахмурилась. Вгляделась в его лицо, отметила следы усталости, которую Рроак старается не показывать; беспокойство за благополучие целого клана... Почему я не замечала этого раньше? Не видела за ненавистью других эмоций? И почему мы, охотники, не испытываем похожих? Любят ли нас праведные отцы? Думаю, да. Но скорбят ли они, когда мы умираем? Не уверена.

Я видела много поминальных костров, слышала много речей, пропитанных горечью утраты. Но не чувствовала за ними истинной скорби. Может, просто не замечала? Нет, дело в другом. По прошествии траура имена павших стираются из нашей жизни. Вырванные камни из защитной стены заменя-

ют новыми, и праведное дело Ордена ведет нас дальше.

– Хватит сидеть на снегу, Кинара.

Рроак улыбнулся, обошел меня со здорового бока и аккуратно взял на руки. Я испуганно дернулась, попыталась вырваться, уверить, что легко дойду сама, но Рроак лишь усмехнулся мне в волосы.

– Я знаю, что ты сильная; не нужно мне это доказывать. Но хотя бы иногда позволь чувствовать, что я сильнее.

Я вскинула на него удивленный взгляд:

– Зачем тебе это?

– Кто знает, охотница? Может, мне просто нравится смотреть, как меняется выражение твоего лица в такие моменты.

Рроак шел легко. Так, будто я ничего не весила. И почему-то мне нравилось это: чувствовать его силу и свою... слабость?

Мысль испугала.

– А почему ты не обернулся драконом? Гррахара отнесла Молчуна в лапы.

Я старалась держаться бесстрастно. Так, будто его близость не будоражила, не рождала опасные мысли и чувства. Проклятье! Сейчас мне действительно лучше оказаться в когтях у зверя, чем на руках у Рроака.

– Надо же, – протянул он, – охотница рвется к чудовищу в лапы. А мне казалось, полет тебе не понравился.

– Я... – выдать из себя признание оказалось неожиданно сложно. Пришлось кашлянуть, возвращая голосу твер-

дось. – Я думала, что полечу верхом, а не в лапах. Как ко-
рова.

Рроак засмеялся. Открыто, искренне. Его руки крепче
прижали меня к сильному телу.

– Прости, что тогда вспомнил их, – отсмеявшись, произ-
нес он. – Не знал, как еще тебя успокоить.

– Но почему нельзя было пустить на спину?

– Во-первых, драконы – не ездовые животные и почти ни-
кого не допускают к себе на загривок.

– Почти?

Зеленые глаза хитро блеснули, однако Рроак не ответил.
Вместо этого продолжил:

– А во-вторых, ты бы не удержалась. В тот момент ты бы-
ла слишком слаба, да и усидеть меж шипами без привычки
крайне сложно.

– То есть, чтобы удержаться, нужна привычка, которую не
выработаешь, потому что вы никого на спину не пускаете?
Очень здорово устроились!

Рроак снова рассмеялся. И я против воли залюбовалась.

Боги, до чего же у него приятный смех! И лицо меняется в
такие моменты – перестает казаться хмурой маской. Так бы
и смотрела... Но нельзя. Нельзя поддаваться этой слабости.

Я с силой сжала левую ладонь в кулак. Впила ногтями
в кожу, отрезвила себя болью.

Рроак почувствовал напряжение в моем теле. Посмотрел
с немым вопросом, но я лишь покачала головой. А потом,

поняв, что таким ответом Рроак не ограничится и попытается вызнать причины, спешно перевела тему:

– Почему ты не предупредил, что хочешь сделать нам парные рисунки?

Задрав рукав, я принялась рассматривать припухший узор. Пока Гррахара колола, толком и не вглядывалась – следила за самой драконицей. А ведь красиво получилось! Действительно крыло дракона, да еще так старательно выполненное. Будто настоящее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.